

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ХАНАЛИЕВ НУРАДИН УМАРПАШАЕВИЧ

**«РАСШИРЕННЫЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК» В СИСТЕМЕ
СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА: ОСНОВНЫЕ АКТОРЫ,
СТРАТЕГИИ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ**

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Москва – 2022

Работа выполнена на кафедре российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научные консультанты – *Коваленко Валерий Иванович – доктор философских наук, профессор*

<i>Василенко Ирина Алексеевна – доктор политических наук, профессор</i>

Официальные оппоненты – *Белозёров Василий Клавдиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета*

Рыжов Игорь Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Казанцев Андрей Анатольевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра исследований политических элит Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Защита диссертации состоится «15» сентября 2022 г. в __ часов __ минут на заседании диссертационного совета МГУ.055.3 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, МГУ, корпус «Шуваловский», ауд. Г-630.

E-mail: dissovet.msu@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27), а также на сайте: <https://istina.msu.ru/dissertations/462070002/>

Автореферат разослан «__» июля 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.055.3,
кандидат политических наук

О.В. Столетов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем особым местом, которое в силу своего уникального геополитического положения занимает в глобальной политике «Расширенный Ближний Восток». Под ним в настоящей работе понимаются территории, традиционно трактуемые как Ближний и Средний Восток. Это обширное географическое пространство пересекают магистральные морские, воздушные и сухопутные маршруты, соединяющие Европу, Азию и Африку. Здесь же сконцентрированы огромные энергетические ресурсы, влияющие на состояние всей мировой экономики, возникли мощные финансово-инвестиционные центры. Наконец, речь идет о регионе с богатой культурой, оказавшей глубинное воздействие на развитие человеческой цивилизации.

В то же время «Расширенный Ближний Восток» отличается сосредоточением экономических, социальных, этноконфессиональных контрастов с высокой степенью конфликтогенности и множественными военными столкновениями. Государства региона существенно различаются по объемам ВВП, уровню жизни, параметрам политической стабильности. На «Расширенном Ближнем Востоке» сконцентрированы источники новых вызовов, таких как международный терроризм, «политический исламизм», все чаще принимающий экстремистские формы, обозначились перспективы усиления региональной фрагментации, грозящие подчас даже распадом национальных государств.

Выраженное отсутствие консолидации «Расширенного Ближнего Востока» обуславливает разнородность представленных на данном пространстве акторов. Различия в экономическом потенциале стран, неоднотипность их политических режимов, острота внутренних проблем, исторические наслоения, политические амбиции лидеров обуславливают выбор ими различных стратегий и союзников, характер складывающихся в регионе геополитических конфигураций.

Еще одной специфической чертой «Расширенного Ближнего Востока» является заметная роль в политических процессах религиозных и национальных движений и организаций. Оказывая серьезное воздействие на многие аспекты государственной политики, они выходят на транснациональный уровень, где выступают уже как самостоятельные акторы. И хотя эти структуры неоднородны, многие принимают откровенно экстремистский характер, действуя в качестве боевых подразделений международного терроризма.

Актуальность исследования объясняется еще и тем, что в условиях глобализации «Расширенный Ближний Восток» не может более оставаться замкнутой региональной подсистемой. Местные процессы невозможно осмыслить без учета деятельности мировых центров силы: США, России и Китая.

Цепляясь за модель однополярного мира, США под лозунгами экспорта «демократической революции» спровоцировали протестные события «Арабской весны», прибегая к инструментам «гибридной войны» с целью смены неугодных режимов, экономическому и политическому диктату. После катастрофического исхода войск США из Афганистана администрация Дж. Байдена нацелилась на усиление хаотизации в регионе, поддержку проамериканских сил, допуская даже причисление к ним радикальных движений.

Транзитный переход к многополярному миропорядку ставит на повестку дня переосмысление стратегических интересов России и их преломление на «Расширенном Ближнем Востоке». Все большее значение приобретает поддержка усилий государств по обеспечению политической, социально-экономической стабильности путем развития взаимовыгодных связей с ними. Особого внимания заслуживают новые конфигурации геополитических сил, в том числе в свете задач борьбы с терроризмом и политическим диктатом извне.

Сложность задачи по утверждению достойной роли России на пространстве «Расширенного Ближнего Востока» усиливается на фоне острой конкурентной среды, своеобразия партнерств, разнонаправленности целей расположенных здесь государств. Например, требуется учитывать растущую роль в регионе Китая, притом, что не уходит на задний план фактор США. Для нас «Расширенный Ближний Восток» важен еще и потому, что он географически смыкается с зонами жизненных интересов России на Кавказе и в Центральной Азии.

Развязанная «коллективным Западом» санкционная война после начала российской спецоперации на Украине диктует необходимость интенсификации, причем в сжатые сроки, торгово-экономических связей и политического диалога России со странами «Расширенного Ближнего Востока». В принципе это реалистично ввиду неудовлетворенности региональных элит и широких народных масс характером существующего миропорядка.

Сложившаяся чрезвычайная ситуация требует качественного анализа и прогнозирования, выработки рекомендаций по оптимизации внешнеполитической стратегии России в быстро меняющихся условиях.

Степень научной разработанности темы. Политические процессы на «Расширенном Ближнем Востоке» достаточно активно и объемно исследуются в отечественной и зарубежной политической науке.

Первый блок исследований, значимых с теоретико-методологической точки зрения, образуют работы российских и зарубежных авторов, посвященные рассмотрению современного миропорядка, транзита от однополярного мира к многополярному, характера современных международных отношений, обзору в динамике подходов и принципов внешней политики государств.

Особое место занимают труды академика Е.М. Примакова¹, которому принадлежит бесспорный приоритет в теоретической разработке концепции нового миропорядка. В его работах не просто характеризуются принципиальные основы многополярного мира, новые вызовы и угрозы – многие тезисы были положены в основу российской внешней политики. Причем значительная часть наследия Е.М. Примакова связана именно с проблематикой исследуемого в настоящей диссертации «Расширенного Ближнего Востока»².

Большую значимость и в политическом, и научном плане, имеют статьи и выступления министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова.

Заметный вклад в разработку теоретических и методологических аспектов нового миропорядка внесли такие российские ученые, как А.Г. Арбатов, А.Д. Богатуров, И.А. Василенко, К.С. Гаджиев, Д.А. Дегтерев, С.А. Караганов, О.Г. Карпович, В.Н. Коньшев, Лебедева М.М., А.А. Сергунин, П.А. Цыганков, М.А. Хрусталеv.³ Стали появляться коллективные монографии о модальностях формирования национально ориентированной теории международных отношений (далее – ТМО)⁴.

¹ См.: *Примаков Е.М.* Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Издательство Московского университета, 2014.

² *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века). М., 2012; *Примаков Е.М.* Основополагающий конфликт // Россия в глобальной политике, 2009, № 3.

³ *Богатуров А.Д.* Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017; *Дегтерев Д.А., Тимашев Г.В.* Концепция многополярности в науке о международных отношениях // Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ. М., 2021. *Дегтерев Д.А.* Многополярность или «новая биполярность»? // Статья в открытом архиве. – 2020. – № 1; *Василенко И.А.* Геополитика современного мира. М.: Юрайт, 2019; *Гаджиев К.С.* Геополитические горизонты России. 2 изд. М.: Экономика, 2013; *Гаджиев К.С.* Великая трансформация в зеркале осевого времени. М.: Международные отношения, 2021; *Караганов С.А., Суслов Д.В.* Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности (доклад). М.: Высшая школа экономики, 2019; *Карпович О.Г.* Глобальные проблемы и международные отношения: монография. М.: Юнити-Дана, 2014; *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»? // Политические исследования. – 2013. – № 2; *Лебедева М.М.* Метаморфозы мировой политики. М.: МГИМО(У), 2012; Преодоление разбалансировки международной стабильности / под ред. Арбатова А.Г., Бубновой Н.И. – М.: Центр международной безопасности ИМЭМО имени Е.М. Примакова, 2018; Современные международные отношения / под ред. Торкунова А.В. М., 2012; *Хрусталеv М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008; *Цыганков П.А.* Ценности в мировой политике: теоретические споры, международная практика, позиции России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки – 2012. – № 3.

⁴ Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. Цыганкова А.П., Цыганкова П.А. М., 2005; О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-

Учитывались при написании диссертации и работы некоторых зарубежных специалистов, относимые к классическим разработкам и развивающие подходы к международным отношениям в наши дни⁵. Из всего многообразия трудов были выбраны работы с подходами политического реализма и его обновленной версии – неоклассического реализма. В свете сильных сторон политического реализма – стремления опираться на объективные тенденции общественного развития, следовать требованиям беспристрастного анализа международных отношений в категориях власти/влияния, – полезными для диссертации представляются два момента. Во-первых, упор сторонников данной теории на утверждение баланса сил посредством возможностей государства, что важно в силу изменяющейся роли государств «Расширенного Ближнего Востока», многие из которых уходят из периферийных зон мировой политики. Во-вторых, поиск обновленного баланса сил в условиях утверждающегося миропорядка с характерным для него генезисом множественных центров политического влияния.

Вместе с тем, заостренность классического политического реализма в большей степени на роли государств, что обедняет содержание современных международных отношений, побуждает обратить внимание на установки неореализма, который подчеркивает значимость глобальных измерений международных отношений, диктующих логику внешней

летию профессора П. А. Цыганкова) / под ред. З.Н. Осадченко, Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. – 863 с.

⁵ *Haddad H.* IR Theory and the «New Middle East» // *International Affairs*. URL: <http://en.interaffairs.ru/events/655-ir-theory-and-the-new-middle-east>. (дата обращения: 20.11.2019). *Lake D.A.* *Hierarchy in International Relations*. Ithaca: Cornell University Press, 2011; *Morgenthau H., Thompson K., Clinton D.* *Politics among Nations*. New York: McGraw-Hill Education, 2005; *Mandelbaum M.* *The New Containment. Handling Russia, China, and Iran* // *Foreign Affairs*, March /April 2019. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-02-12/new-containment> (дата обращения: 20.02.2020); *Nehme M.* *Neo-realism and American foreign policy in the Arab World Prepared*. URL: <https://www.lebarmy.gov.lb/en/content/neo-realism-and-american-foreign-policy-arab-world>; *Rosenau J., Burgess Ph., Hermann F.* *The Adaptation of Foreign Policy Research: A Case Study of an Anti-Case Study Project*. *International Studies Quarterly*, Vol. 17, No. 1, 1973. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-02-12/new-containment> (дата обращения: 20.02.2020); *Snyder R., Bruck H., Sapin B.* *Decision-Making as an Approach to the Study of International Politics*. In *Foreign Policy Decision-Making (Revisited)*. New York: Palgrave Macmillan, 2002; *Waltz K.* *Theory of International Politics*. Chicago: Waveland Press, 2010; *Webber M.* *Foreign Policy in a Transformed World*. Harlow: Pearson Education Limited, 2014; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // *Политические исследования*. – 1994. – № 1.

политики государств в зависимости от структуры утвердившейся системы (К. Уолтц, Дж. Розенау, Г. Роуз). Это ставит на повестку дня вопрос об актуализированных требованиях к политическому анализу в условиях утраты миром однополярного характера и утверждения полицентричности. В таком контексте серьезное эвристическое звучание приобрел термин «региональная подсистема» (Т.А. Шаклеина)⁶, значимый в плане анализа политических процессов на «Расширенном Ближнем Востоке».

В Московском университете и других научных центрах в последние годы под руководством П.А. Цыганкова получили развитие традиции «умеренного» конструктивизма. Речь, в частности, идет о влиянии культурных норм и национальных традиций на внешнюю политику стран, что, по убеждению Т.А. Алексеевой, требует признания в ТМО нарастания нелинейной динамики развития, отказа от одномерной иерархии власти в международной системе и внутри государств, учета сетевых взаимосвязей разного уровня и их направленности, «гибридизации» традиционных видов взаимодействия (начиная с дипломатии и кончая войнами), конструирования реальности и попыток ею управлять⁷. Для диссертации потенциал конструктивистской методологии имеет особое значение, поскольку многополярный мир есть, по сути, политический конструкт в стадии утверждения и развития. В этом контексте становится важным образ России, действующей на благо становления многополярного миропорядка в контексте «возвращения» на «Расширенный Ближний Восток».

Немалое значение имеют труды А.С. Панарина. Отвергая подходы на базе теории рационального выбора в пользу «гуманитарной политологии», он сформулировал свое понимание будущего миропорядка, свободного от угрозы навязывания извне странам и народам чуждых образцов и норм, установок на «нейтрализацию» национальных ценностей и утрату

⁶ Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2017; Мегатренды. Основные траектории мирового порядка в XXI веке / под ред. Шаклеиной Т.А. и Байкова А.А., 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014.

⁷ О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П. А. Цыганкова) / З.Н. Осадченко, Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. – 863 с.

суверенитета. Следует здесь отметить и работы российских ученых, в которых модальности утверждения многополярного мира рассматриваются с позиций политической философии, связывающих единство мира с его растущим многообразием и с повышенным вниманием к задачам цивилизационного взаимодействия (И.А. Василенко, В.И. Коваленко, А.И. Костин)⁸.

Вторая часть работ первого блока включает в себя не только труды по собственно теории, но и по проблемам, оттеняющим общие подходы. Поскольку концепт «умеренного» конструктивизма связан с идеей утверждения «российской ТМО», любое исследование здесь априори сопряжено с задачами осмысления национальных интересов России. Заслуживают упоминания разработки Ю.И. Авдеева, С.В. Аленкина, В.В. Алешина, В.К. Белозёрова, А.И. Буркина, А.В. Возженикова, А.А. Казанцева, А.П. Кочеткова, С.В. Картунова, А.К. Пушкина, И.В. Рыжова.⁹

⁸ Василенко И.А. Переговоры с восточными партнерами: модели, стратегии, социокультурные традиции. М.: Международные отношения, 2016; Коваленко В.И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Издательство Московского университета, 2016; Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / под ред. Костина А.И. М.: Издательство Московского университета, 2016; Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003; Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: «Русский мир», 2005.

⁹ Авдеев Ю.И., Аленкин С.В., Алешин В.В., Башкатов Л.Н., Беляев А.Е., Опалев А.В. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. М.: Юнити-Дана, 2004. – 514 с.; Буркин А.И., Возжеников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. М.: РАГС, 2008; Возжеников А.В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения. М.: РАГС, 2002; Зеленков М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации: монография. М.: Юридический институт МИИТа, 2013; Казанцев А.А. Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: Опыт Европы и перспективы России. М., 2015; Кочетков А.П. Стратегия национальной безопасности: Конспект лекций. М.: МНЭПУ, 2001; Кочетков А.П., Белоусов В.А. Об угрозах безопасности страны, связанных с процессом федерализации // Власть. 2000. № 6; Картунов С.В. Национальная и международная безопасность: Концептуальные основы. М.: Государственный университет – ВШЭ, 2007; Национальная безопасность России в условиях глобализации: геополитический подход / Под ред. Кочеткова А.П., Опалева А.В. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016; Опалев А.В. Правовая основа обеспечения национальной безопасности РФ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004; Крюков А.В., Лытнева Н.А. Особенности развития стратегии национальной безопасности России // Ростовский научный журнал — научное сетевое издание. 2018. № 2. URL: <http://rostjournal.ru/?p=2957> (дата обращения: 20.11.2019); Пушкин А.К. Внешняя политика России и ее национальные интересы. М.: МГИМО, 2011; Радиков И.В. Политика и национальная безопасность. СПб.: Астерион, 2004; Тезисы по внешней политике и позиционированию России в мире (2017–2024). М., 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/russian-foreign-policy-2017-2024/> (дата обращения: 20.11.2019); Рыжов И.В. Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке / И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина, Е.М. Савичева / Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. № 1 (25); Рыжов И.В. Модели межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке / М.Ю. Бородина, И.В. Рыжов,

Современные проблемы региональной безопасности на «Расширенном Ближнем Востоке» рассматриваются в том числе в работах А.Г. Бакланова, Г.Г. Исаева, А.А. Сотниченко, Б.Г. Койбаева, В.И. Юртаева (Белова)¹⁰.

В третью группу того же блока входят труды, посвященные технологиям «мягкой», «жесткой» и «умной силы», применяемым в реализации внешней политики государств и обеспечении национальной безопасности, в частности, России. Эти проблемы освещены в работах Е.В. Журавлевой, К.А. Кокорева, И.Н. Комиссиной, М.П. Першиной, А. Полунина, О.В. Столетова, И.А. Чихарева, А. Шустова.¹¹ Отдельно стоит отметить публикации А.В. Манойло, где освещаются особенности использования «мягкой силы» террористическими организациями. Используются также работы Дж. Ная-младшего, считающегося автором понятия «мягкая сила», и ряда других зарубежных политологов¹².

Д.А. Аверьянова // *Мировая политика*. – 2020. – № 4; *Хрусталева Е.Ю., Цымбал В.И.* Военная безопасность России: замыслы и реалии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 1. С. 34–41; *Фомин С.А.* Обеспечение национальной безопасности. М.: Флинта, 2017.

¹⁰ *Бакланов А.Г.* Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности. М.: Институт Ближнего Востока, 2006; *Бакланов А.Г.* Ближневосточная система безопасности – упущенные возможности // *Новое восточное обозрение*. 2013. 6 февраля. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/print/120425> (дата обращения: 25.11.2015); *Бакланов А.Г.* Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности. М.: МГИМО, 2001; *Исаев Г.Г.* Политическая регионалистика и Ближний Восток // *Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке: сборник статей / под ред. Ягья В.С., Лагутиной М.Л.* СПб.: СПбГУ, 2011; *Ближний Восток: война и политика / под ред. Сотниченко А.А., Исаева Г.Г.* М.: Издательский дом Марджани, 2011; *Койбаев Б.Г.* Ближний Восток: информация и региональная безопасность. СПб.: СПбГУ, 2002; *Юртаев (Белов) В.И., Рогов А.С.* ШОС и БРИКС: особенности участия в евразийской интеграции / В.И. Юртаев, А.С. Рогов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2017. – Т. 17., №3; *Юртаев (Белов) В.И., Фитуни Л.Л., Абрамова И.О.* Ислам, глобальное управление и новый миропорядок // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2019. – Т. 19. № 4; *Юртаев (Белов) В.И.* К вопросу о роли России в формировании идеологии евразийской интеграции // *Сборник: Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник: материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием*. М., 2020; *Гончарова А.А., Савичева Е.М., Юртаев (Белов) В.И.* Исламский фактор в историко-политических процессах на Ближнем Востоке: новые реалии и тенденции // *Вопросы истории*. – 2020. – № 11-2.

¹¹ *Журавлева Е.В.* Политика «мягкой силы» КНР в отношении стран Центральной Азии. На примере Казахстана и Монголии (2007 – 2015 гг.): Автореферат дис. на соискание уч. ст. к.и.н. Специальность – 07.00.15. М., 2016; *Першина М.П.* Образование как инструмент «мягкой силы» внешней политики Китая // *Молодой ученый*, 2013, № 10, с. 461–462. Доступ: <https://moluch.ru/archive/57/7874/>; *Полунина А.* НАТО: курс на гибридную войну // *DISCRED*. URL: https://www.discred.ru/news/nato_kurs_na_gibridnuju_vojnu/2015-12-01-17484 (дата обращения: 25.01.2020); *Чихарев И.А., Столетов О.В.* К вопросу разумного использования мягкой силы во внешней политике России // *Геополитический журнал*, 2014, № 4; *Шустов А.* Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии. URL: <https://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat/> (дата обращения: 25.01.2020).

¹² *Nye J. S. Jr.* Soft Power // *Foreign Policy*, 1990.v. 80, №153; *Nye J.S. Jr.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004; *Nye J. S. Jr.* The Future of Power. New York: Public Affairs,

К третьей группе примыкают публикации с анализом современных «гибридных войн», которым уделяется особое внимание в ТМО и которые все чаще реализуются в реальной политике¹³.

Второй – более обширный блок включает исследования, посвященные собственно проблемам «Расширенного Ближнего Востока».

Анализу региональных и страновых политических процессов посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных ученых-востоковедов и политологов. Среди них труды Р.В. Арзуманяна, В.М. Ахмедова, И.П. Добаева, А.О. Филоника, В.А. Исаева, В.В. Наумкина, П. Сила, Р. Хиннебуша, Д. Лича¹⁴.

Интерес ученых вызывают, в частности, события «Арабской весны», последствия которой затрагиваются в работах С. Бебави, Д. Боссио, Д. Брумберга, И. Вебба, Э. Граеффа, Г. Лотана, Дж. Маслина, М. Огбоннайя, К. Салиха, М. Хааса, П. Ховарда, М. Хуссейна¹⁵. Содержательными являются коллективные монографии, такие как

2010; *Най Дж. С.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, Москва, 2006.; CSIS Commission on Smart Power: a Smarter, More Secure America / co-chairs: Armitage R. and Nye J. S. Jr. Washington, CSIS Press, 2007; *Мид У.Р.* Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. М., 2006.

¹³ *Герасимов В.* Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер – 27 февраля-5 марта 2013 – № 8. URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 20.01.2020); «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. Цыганкова П.А. М.: Издательство Московского университета, 2015.; *Манойло А.В.* Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М., 2018; *Манойло А.В.* «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2019, № 2.

¹⁴ *Арзуманян Р.В.* Иррегулярные конфликты. Ближний Восток: террористические группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» и «Исламский фронт»: цели, задачи, формы и способы действий в Сирии и Ираке. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2014; *Ахмедов В.М.* Современная Сирия: история, политика, экономика. М.: Ключ-С, 2010; *Добаев И.П.* Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2001; *Филоник А.О., Исаев В.А.* Сирия: политическая эволюция и потенциальные угрозы. М.: ИБВ, 2007; *Seale P.* Assad of Syria: The Struggle for the Middle East. Berkley: University of California Press, 1989; *Hinnebusch R.A.* Authoritarian Power and State Formation in Ba’thist Syria: Army, Party, and Peasant. Oxford: Westview Press, 1990; *Lesch D.W.* The New Lion of Damascus: Bashar al-Assad and Modern Syria. New Haven: Yale University Press, 2005.

¹⁵ *Bebawi S., Bossio D.* Social Media and the Politics of Reportage: The “Arab Spring.” London: Palgrave Macmillan, 2014; *Brumberg D.* Transforming the Arab World’s Protection-Racket Politics // Journal of Democracy. 24 July 2013. P. 88–103; *Haas M.L., Lesch D.W.* The Arab Spring: Change and Resistance in the Middle East. USA: Westview Press, 2013; *Howard P.N., Hussain M.M.* Democracy’s Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring. USA: Oxford University Press, 2013; *Lotan G., Graeff E., Ananny M.* The Revolutions Were Tweeted: Information Flows During the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions // International Journal of Communication. 2011. № 5. P. 1375–1405; *Maslin J.* Pro-Regime Journalists Are Shaping Public Opinion in Egypt // Columbia Journalism Review. 22 January 2015. URL: https://www.cjr.org/b-roll/egypt_sisi_mona_iraqi.php (дата обращения: 20.11.2019); *Ogbonnaya M.* Comparative Analysis of Arab Spring Determinates: Security Implications for Nigeria // African Security Review. 2013. № 4. P. 264–276; *Salih K.* The Root and Causes of the 2011 Arab Springs // Arab Studies Quarterly. 2013. Vol. 35, No. 2. P. 184–206.

«"Арабский кризис" и его международные последствия», «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте»¹⁶.

Отдельную группу второго блока составляют исследования по проблемам единства и фрагментации арабского мира. В их числе коллективные монографии «Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы», «Кризис арабского мира и трансформация мирового порядка», «Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка)»; сборник «Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше?»¹⁷.

С другой стороны, следует выделить работы, содержащие анализ политических, социально-экономических, социокультурных, культурных, этнонациональных, конфессиональных характеристик конкретных государств «Расширенного Ближнего Востока». В указанных работах рассматривается политика шести арабских монархий Персидского залива – Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, ОАЭ, Бахрейна, Омана¹⁸, изучаются

¹⁶ «Арабский кризис» и его международные последствия / под общ. ред. Васильева А.М. Отв. ред. Саватеев А.Д., Исаев Л.М. М.: ЛЕНАНД, 2014; Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте (коллективная монография). Отв. ред. Барановский В.Г., Наумкин В.В.; М.: ИВ РАН, 2018.

¹⁷ Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы / Отв. ред. Следзевский И.В., Саватеев А.Д. М.: Либроком, 2012; Исаев Л.М., Саватеев А.Д., Следзевский И.В. Кризис арабского мира и трансформация мирового порядка // Арабский кризис и его международные последствия / Под ред.: Саватеева А.Д., Исаева Л.М. М.: Издательская группа URSS, 2014; Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред.: Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. М.: ИВ РАН, 2012.

¹⁸ «Бесшумный» кризис охватил Персидский залив. 1.08.18 // Вести. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3051613> (дата обращения: 20.11.2019); Василенков С. Чьи доллары взрывают Сирию? 29.06.2013 // Око Планеты. URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/196759-chi-dollar-vzryvayut-siryu.htm> (дата обращения: 20.11.2019); Гасанова Д. Персидский залив: слияние «братских» монархий отложено // Геополитика. URL: <http://www.geopolitics.ru/2013/12/persidskij-zaliv-sliyanie-bratskix-monarhij-otlozheno/> (дата обращения: 20.11.2019); Гулевич В.А. Ирано-саудовское противостояние в регионе Персидского залива // Международная жизнь. 2012. № 2. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8295> (дата обращения: 20.11.2019); Мальшева Д. Монархии Персидского залива и «арабская весна» // Международная жизнь. 2012. № 58. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/714> (дата обращения: 20.11.2019); Манукян Д.А. Вопросы безопасности региона Персидского залива // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2009. № 4. С. 160-168; Мохаммад М.Д. Саудовская Аравия и Иран: анализ основных факторов соперничества // Политэкс. 2014. Т. 10. № 4. С. 199–207; Муради М.Р. *Kayhan* (Иран): куда покатится мир в 2019? // Диалог. Таджикистан и мир. 2 мая 2019. URL: http://www.dialog.tj/news/kayhan-iran-kuda-pokatitsya-mir-v-2019 (дата обращения: 20.11.2019); Ульрихсен К.К. Персидский залив: есть ли жизнь после нефти? // Россия в глобальной политике. 2011. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/persidskij-zaliv-est-li-zhizn-posle-nefti/> (дата обращения: 20.11.2019); Furtig H. Conflict and Cooperation in the Persian Gulf: The Interregional Order and US Policy // Middle East Journal. 2007. № 4. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-1418116381/conflict-and-cooperation-in-the-persian-gulf-the> (дата обращения: 20.11.2019); Jedinia M. Tehran Courts Gulf States. Tehran, July 12, 2007; The Manama Dialogue // The 4th IISS Regional Security Summit, December 7, 2007; Nasr V.R. The Shia Revival. New York: Norton and Company, 2006; Persian Gulf Region.

актуальные проблемы конфликта в Сирии¹⁹, курдский вопрос²⁰ и другие страновые аспекты.

Внутренний пласт работ посвящен деятельности экстремистских и террористических структур на «Расширенном Ближнем Востоке» и наиболее опасной из них – «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ)²¹ (организация запрещена в России).

Можно также выделить работы арабских авторов: Хусни аль-Ауды, Казима Наама, Нуvara Хашема, Хайдара Хусейна, Шарифа Фараджа, Хадара Атвана и материалы Арабского центра политических исследований²², где затрагиваются отдельные аспекты настоящего исследования.

Energy Information Administration. URL: www.eia.doe.gov/emeu/cabs/Persian_Gulf/Full.html (дата обращения: 20.11.2019).

¹⁹ *Еремينا Н.* Сможет ли Евросоюз развязать сирийский узел? // Евразия Эксперт. URL: <http://eurasia.expert/smozhet-li-es-razvyazat-siriyskiy-uzel/> (дата обращения: 20.11.2019); *Стенин А.* Сирийский узел: все против всех // Antiterror Today. URL: <http://antiterror.today.com/glavnoe-segodnya/sobytiya-v-sirii/10530-sirijskiy-uzel-vse-protiv-vsekh> (дата обращения: 20.11.2019); США: Мы хотим свергнуть Каддафи и Асада, чтобы выгнать Россию и Китай из Средиземноморья // АПН. URL: <http://www.apn-spb.ru/opinions/article8614.htm> (дата обращения: 20.11.2019); *Bradley J.R.* How Putin Came to Rule the Middle East // The Spectator, October 7, 2001. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/russia-sees-opening-to-play-power-broker-in-middle-east-and-beyond/article37824966/> (дата обращения: 20.11.2019); *Brands H., Kahl C.* The Strategic Suicide of Aligning with Russia in Syria // Foreign Policy, February 7, 2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/02/07/the-strategic-suicide-of-aligning-with-russia-in-syria/> (дата обращения: 20.01.2020); *Galupo S.* How Russia is Using «Counterterrorism» to Sucker Trump // The Week, February 10, 2017. URL: <https://theweek.com/articles/678311/how-russia-using-counterterrorism-sucker-trump> (дата обращения: 20.01.2020); *Mathews O., Moore J., Sharkov D.* How Russia Became the Middle East's New Power Broker // Newsweek, February 9, 2017. URL: <https://www.newsweek.com/2017/02/17/how-russia-became-middle-east-s-new-power-broker-554227.html> (дата обращения: 20.01.2020); *Yeniçeri Ö.* Türkiye Suriye'de ne yapmalı? // Yeni, 23.05.2017. URL: <https://www.yenicaggazetesi.com.tr/turkiye-suriyede-ne-yapmalı-42890yy.htm> (дата обращения: 20.01.2020).

²⁰ *Гасратян М.А.* Курдская проблема в Турции (1986–1995). М.: ИВ РАН, 2001; Курдское движение в новое и новейшее время. М.: Наука, 1987; Кто такие курды и откуда они взялись? История происхождения нации курдов и их религия // Вопрос. Ответ. URL: <http://1-vopros.ru/557-kto-takie-kurdy-i-otkuda-oni-vzyalis.html> (дата обращения: 20.11.2019); *Мгои Ш.Х.* Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М.: Наука, 1991.

²¹ *Ильминская М.Ф.* Феномен «Исламского государства»: идеология, политическая цель, причины успеха // Вестник РУДН. Серия политология. 2014. № 4. С. 118–129; *Кузнецов А.А.* «Исламское государство» в контексте политических изменений на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО-Университета – 2015 – № 41 (2). С. 184–192; *Мамаев Ш.* Новое противостояние суннитов и шиитов способно развалить одну страну и вырваться за пределы региона // Родон. URL: <http://www.rodon.org/relig-140627124208> (дата обращения: 20.11.2019); Конфликт между шиитами и суннитами: многовековое противостояние // RosInvest.Com. URL: <http://rosinvest.com/novosti/1243830> (дата обращения 26.10.2017).

²² *Bishara A.* *سورية: درب الألام نحو الحرية - محاولة في التاريخ الراهن*, Arab Center for Research and Policy Studies, 2013; *al-Khoury G.* «الأوسط ولبنان الشرق دول على تأثيرها و لروسيا الجديدة الخارجية السياسة», al Difaa al Watani. No. 105, July 2018. URL: <https://www.lebarmy.gov.lb/sites/default/files/105.pdf>;

حسني عماد حسني العوضي. السياسة الخارجية الروسية: زمن الرئيس فلاديمير بوتين. برلين: المركز الديمقراطي العربي للدراسات الاستراتيجية والسياسية والاقتصادية، 2017؛

كاظم هاشم نعمة. روسيا والشرق الأوسط بعد الحرب الباردة: فرص وتحديات. الطعنين – قطر: المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات، 2016؛

Отдельно стоит отметить третий блок отечественных и зарубежных работ, в которых исследуются роль США в регионе, стратегия экспорта «демократической революции», перспективная модель постамериканского или постзападного «Расширенного Ближнего Востока»²³.

Наконец, следует выделить четвертый – самостоятельный и очень важный блок трудов российских и иностранных ученых и экспертов, раскрывающих тему «возвращения» России на «Расширенный Ближний Восток» в статусе мировой военно-политической державы. Поскольку их число неуклонно растет, возможно перечислить лишь некоторые. Это работы Л. Вита, Р. Ищенко, А.А. Кузнецова, Дж. Бредли, М. Брюггманна²⁴.

نوار جليل هاشم، حيدر علي حسين، أمجد زين العابدين طعمة. الاقتراب الكبير (روسيا في الشرق الأوسط). نأمع: دار الخليج للنشر والتوزيع، 2020؛

بن فاضل نصيرة عبداوي أميرة. الاستراتيجية الروسية تجاه منطقة الشرق الأوسط في فترة الحراك العربي – دراسة حالة سوريا. – مذكرة لنيل شهادة

الماستر في العلوم السياسية والعلاقات الدولية. – تبسة: جامعة العربي التبسي، 2019؛

شريف مازن إسماعيل فرج. توجهات القيادة السياسية الروسية وتطور الدور الروسي في النظام الدولي // المركز الديمقراطي العربي للدراسات الاستراتيجية، الاقتصادية والسياسية، 12 يوليو 2016؛

خضر عباس عطوان. العلاقات السعودية الروسية: المصالح والتحديات // المركز الديمقراطي العربي للدراسات الاستراتيجية، الاقتصادية والسياسية، 15 يناير 2019

²³ *Tarasov S.* Санкции США сближают Россию, Турцию и Иран. //Regnum: Информационное агентство. URL: <https://regnum.ru/news/2457027.html> (дата обращения: 20.11.2019); *Мануков С.* К С-400 прибавилась иранская нефть: Турция отказалась от американской отсрочки. 23.11.2018. // Expert Online. URL: <http://expert.ru/2018/11/22/> (дата обращения: 20.11.2019); *Apps P.* Has the Post-American Middle East Arrived? // The Japan Times, October 18, 2019. *Clinton H.* America's Pacific Century // Foreign Policy. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (дата обращения: 20.11.2019); *Englund W.* In the Middle East, There's One Country Every Side Talks to: Russia // The Washington Post, October 14, 2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/in-the-middle-east-theres-one-country-every-side-talks-to-russia/2019/10/14/2ac92702-ee90-11e9-bb7e-d2026ee0c199_story.html (дата обращения: 20.11.2019); *Glazova A.V.* (ed.) The US Strategy of «Rebalancing» in Asia Pacific and Russia's National Security interests // Russian Institute for Strategic Studies. URL: http://en.riss.ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/11/Discussion_paper_2015_-2.pdf (дата обращения: 20.11.2019); *Steyn M.* Post-Western Middle East // Steyn Online, February 23, 2011. URL: <https://www.steynonline.com/3756/the-post-western-middle-east> (дата обращения: 20.11.2019); *Clinton H.* America's Pacific Century // Foreign Policy. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (дата обращения: 20.11.2019).

²⁴ *Vita L.* Путинская Россия возвращается в Афганистан: очередной шах и мат Америке // ИноСМИ, 29.08.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170829/240133150.html> (дата обращения: 20.11.2019); *Ищенко Р.* «Создать антиамериканскую коалицию». Почему с Москвой хотят дружить // РИА Новости, 28.01.2018. URL: <https://ria.ru/20180128/1513454271.html> (дата обращения: 20.11.2019); *Кузнецов А.А.* Американские эксперты о ближневосточной политике США и России // Институт Ближнего Востока, 13 декабря, 2017. URL: <http://www.iimes.ru/?p=39849> (дата обращения: 20.11.2019); *Минин Д.М.* Аббас в Москве официально лишает США роли посредника в ближневосточном урегулировании. 14.02.2018. URL: <http://ruskline.ru/opp/2018/fevral/14> (дата обращения: 20.11.2019); Путин: Россия и Саудовская Аравия – лидеры по экспорту энергоносителей // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/politics/20070212/60573266.html> (дата обращения: 20.11.2019); *Стабиле А.* Азартная игра Путина на Ближнем Востоке создала невероятные альянсы. URL: https://www.inopressa.ru/article/06oct2017/inotheme/alliance_obzor (дата обращения: 20.11.2019); *Чаблин А.* От саудовского короля Москва ждет не только «арабских» денег // Свободная Пресса. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/181177/> (дата обращения: 20.11.2019); *Bradley J.R.* How Putin Came to Rule the Middle East // The Spectator, October 7, 2001. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/russia-sees-opening-to-play-power-broker-in-middle-east-and-beyond/article37824966/> (дата обращения: 20.11.2019); *Brüggmann M.* Er kam, sah zu und siegte // Handelsblatt, 8 Juni. 2017. URL: <https://www.handelsblatt.com/meinung/kommentare/wie-trump-putin->

Что касается диссертаций, посвященных политическим процессам в странах «Расширенного Ближнего Востока», их число за последнее десятилетие также увеличивается и уже насчитывает несколько десятков. Имеет смысл упомянуть работы А.Д. Арямовой, С. Хадая, Ю.С. Кинаш, О.А. Мазур, имеющие прямое отношение к теме настоящего исследования²⁵.

Таким образом, глубина изучения проблемы позволяет судить о растущем интересе к «Расширенному Ближнему Востоку». Это, однако, не отрицает императива проведения дальнейшей исследовательской работы, что обусловлено, во-первых, динамикой внутрирегиональных процессов: стремительно меняющейся повесткой дня, чреватой новыми вызовами и конфигурациями в расстановке политических сил. Во-вторых, тем, что региональные процессы транслируют общую логику перехода к новому миропорядку, когда громко заявляют о себе страны, перестающие быть периферией мировой политики, а государства и союзы, совсем недавно претендовавшие на роль гегемона, вынуждены теперь заниматься переформатированием своей внешней политики. В-третьих, речь идет о мире, где повышается роль негосударственных акторов, расширяется применение новых политических технологий и в котором будут

starkmacht-er-kam-sah-zu-und-siegte/19899406.html?ticket=ST-4531082-0tFv7qkCc2BFgBNPbDth-ap4 (дата обращения: 20.11.2019); *Englund W.* In the Middle East, There's One Country Every Side Talks to: Russia // *The Washington Post*, October 14, 2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/in-the-middle-east-theres-one-country-every-side-talks-to-russia/2019/10/14/2ac92702-ee90-11e9-bb7e-d2026ee0c199_story.html (дата обращения: 20.11.2019); *Glazova A.V. (ed.)* The US Strategy of «Rebalancing» in Asia Pacific and Russia's National Security Interests. URL: <http://en.riss.ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/11> (дата обращения: 20.11.2019); *Mathews J.* Russia Replaces America as the Power Player in the Middle East. *Carnegie Endowment for International Peace* // *The Hill*, June 3, 2018. URL: <https://thehill.com/opinion/international/376929-russia-replaces-america-as-the-power-player-in-the-middle-east> (дата обращения: 20.01.2020); *Mathews O., Moore J., Sharkov D.* How Russia Became the Middle East's New Power Broker // *Newsweek*, September 2, 2017. URL: <https://www.newsweek.com/2017/02/17/how-russia-became-middle-east-s-new-power-broker-554227.html> (дата обращения: 20.01.2020); *Mackinnon M.* Russia Sees Opening to Play Power Broker in Middle East and Beyond // *The Globe and Mail*, February 2, 2018. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/russia-sees-opening-to-play-power-broker-in-middle-east-and-beyond/article37824966/> (дата обращения: 20.11.2019); *Valle A. Del.* Le retour de la Russie au Proche et Moyen-Orient: rencontre avec Randa Kassis, actrice majeure de la politique syrienne // *Atlantico*, 2 mars 2018. URL: <https://www.atlantico.fr/rdv/3321681/le-retour-de-la-russie-au-proche-et-moyen-orient--rencontre-avec-randa-kassis-actrice-majeure-de-la-politique-syrienne> (дата обращения: 20.01.2020) и др.

²⁵ *Арямова А.Д.* Роль технологий цветных революций в трансформации современных политических режимов (на примере Украины и «Арабской весны»): сравнительный анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2016; *Хадая С.* Политический режим Сирийской Арабской Республики в контексте соперничества глобальных и региональных политических сил на Ближнем Востоке: дис. ... канд. полит. наук. М., 2013; *Кинаш Ю.С.* Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах (на примере «Арабской весны» и Ливии): дис. ... канд. полит. наук. М., 2017; *Мазур О.А.* Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии (после 2011 г.): дис. ... канд. полит. наук. М., 2017.

формироваться приоритеты и внешнеполитические цели Российской Федерации.

С учетом описанных реалий и была выбрана тема настоящей диссертации.

Объектом исследования являются политические процессы на «Расширенном Ближнем Востоке» в условиях разложения однополярного мира.

Предмет исследования – роль и стратегии политических акторов, действующих на «Расширенном Ближнем Востоке» в процессе транзита к многополярному миропорядку.

Целью исследования является выявление и описание активности основных политических акторов в регионе, их стратегий с учетом геополитических, геоэкономических возможностей, конфликтогенности среды, выхода ряда стран региона на уровень региональных держав, способных влиять на процесс утверждения нового миропорядка, а также внешнего давления на фоне растущей турбулентности мировой политики. Во главу угла ставится выявление вызовов и потенциала «Расширенного Ближнего Востока» в становлении многополярности и на этой основе – определение стратегических приоритетов России в регионе.

Для реализации указанной цели ставятся следующие **задачи**:

- обозначить концепт «Расширенного Ближнего Востока», его коренное отличие от понятия «Большого Ближнего Востока», место в геополитических реалиях современности как региональной подсистемы;

- охарактеризовать основных политических акторов, действующих в регионе; выявить сущность, направления и формы реализации их стратегических установок;

- описать специфику духовно-идеологической составляющей политических процессов на «Расширенном Ближнем Востоке»; выявить роль идеологических установок исламизма/панисламизма, арабского

национализма/панарабизма, неоосманизма, других течений в определении стратегем ведущих акторов;

- конкретизировать характер новых угроз для региональной и глобальной стабильности со стороны международного терроризма в меняющихся условиях (военное поражение ИГИЛ в Сирии, приход «Талибана» к власти в Афганистане) и основные направления борьбы с ним;

- рассмотреть роль в регионе мировых держав, характер их деятельности в контексте проблем утверждения нового миропорядка;

- идентифицировать складывающиеся в регионе геополитические конфигурации, их роли и потенциал в привязке к стратегическим приоритетам Российской Федерации.

Гипотеза диссертационного исследования. В условиях нарастающей турбулентности в системе современных международных отношений заметно возрастает значение складывающихся региональных подсистем. Оценка возможностей этих подсистем в формировании нового миропорядка, определение состава действующих акторов, их стратегий и, в этой связи, стратегических приоритетов Российской Федерации представляет собой значимую научную проблему. Разработки в данной области могут привести к существенному приращению научного знания.

«Расширенный Ближний Восток» как раз представляет собой пример такой подсистемы, где, быть может, наиболее масштабно проявляются сложности транзитного периода в эволюции миропорядка. С одной стороны, те силы, которые перемещаются в центр с периферии глобального политического процесса, испытывают потребность в смене парадигм мирового развития, выступая как агенты утверждения многополярного мира. С другой, в условиях неконсолидированности региона их цели остаются разнонаправленными, а подчас противоположными, отталкиваясь от отличных друг от друга духовно-идеологических дискурсов. По совокупности указанные факторы вызывают рост нелинейной динамики «гибридизации» традиционных видов взаимодействия.

Крайне сложным остается вопрос политической субъектности региона. В качестве акторов выделяются, прежде всего, государства, многие из которых начинают обретать статус региональных держав. В то же время на «Расширенном Ближнем Востоке» с беспрецедентной активностью проявляют себя политические движения религиозного и националистического толка, чья деятельность хотя и переплетается с установками государственной политики, продолжает сохранять самостоятельную значимость в региональных процессах. Принимая во внимание геостратегический характер данного региона в глобальном мире, здесь масштабно проявляют себя внешние игроки – мировые державы, которых вследствие этого правомерно включать в число акторов, оказывающих критическое воздействие на характер и динамику местной политической жизни.

Сложная противоречивость процессов на «Расширенном Ближнем Востоке» является питательной средой для возникновения различных геополитических конфигураций. Отличительной чертой последнего времени является активное участие в них России, что выражается в развитии партнерств с рядом ведущих держав региона – в некоторых случаях с перспективами вывода таких партнерств на стратегический уровень. Текущие конфигурации, конечно, не могут существовать вне полей влияния в регионе США, Китая и – с недавнего времени – Индии.

Методологической основой исследования выступает комплекс системных политических, социологических, этнополитических и общенаучных методов, что определяет его междисциплинарный характер.

В рамках общенаучных подходов использовался диалектический метод, позволивший выявить многоаспектность проблем нарождающегося миропорядка, их преломление в регионе «Расширенного Ближнего Востока», противоречивость нынешних политических процессов.

Методы системного анализа дали возможность установить взаимосвязь общих для региона тенденций в политической, религиозной и

этнонациональной сферах, равно как и их проявления в политической жизни конкретных стран, определить место «Расширенного Ближнего Востока» в системе международных отношений в целом.

Для раскрытия сущностных характеристик, реализующихся на пространстве «Расширенного Ближнего Востока», стратегий и политтехнологий применялся структурно-функциональный анализ.

Метод историзма позволил более четко определить истоки глубоко укоренившихся в регионе проблем политического, межгосударственного, религиозного и этнонационального порядка.

Методология компаративного анализа пригодилась для выявления особенностей политических установок государств региона, других существующих здесь центров силы, а также позиций мировых держав.

Ситуационный анализ был применен для оценки и прогнозирования конкретных и динамично меняющихся на «Расширенном Ближнем Востоке» политических ситуаций. Наряду с этим, использовались прикладные методы исследования: контент-анализ СМИ, методы включенного наблюдения.

Среди теорий международных отношений подспорьем стали концепции «баланса сил» и «баланса угроз», некоторые иные конструкты неореализма, но в особенности возможности цивилизационной парадигмы и конструктивистской методологии с ее акцентом на нелинейности политических процессов.

Нормативную и эмпирическую базу работы составляют официальные документы, в которых зафиксированы стратегические направления внешней политики Российской Федерации и обеспечения ее национальной безопасности²⁶, политики на пространстве «Расширенного Ближнего Востока»; документы межправительственных и

²⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 30.11.2016) // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 20.11.2019); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 20.11.2019); Основные внешнеполитические итоги 2019: офиц. текст // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3985482 (дата обращения: 20.01.2020). Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета - Федеральный выпуск № 5374.

неправительственных организаций²⁷; договоры между государствами региона, а также соглашения между ними и внешними акторами, касающиеся в том числе экономических проектов с участием российских компаний.

Ощутимую роль в исследовании сыграли экспертные материалы и оценки, представленные отечественными и зарубежными СМИ.

Хронологические рамки исследования охватывают прежде всего второе десятилетие XXI века. По отдельным аспектам исследования автор также обращается к более ранним временным периодам. Политические процессы, получившие развитие после начала Российской Федерацией специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 года, находятся за рамками данной диссертации и могут стать предметом дальнейших исследований.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современном мире, отмеченном утверждением нового миропорядка, возрастает роль региональных подсистем, в числе которых видное место занимает «Расширенный Ближний Восток». Действующие здесь политические силы, будучи объективно заинтересованными в создании многополярного мира и отказе от одномерной иерархии власти в международной системе, имеют особые представления о собственных интересах, носящих подчас разнонаправленный характер. Это усугубляет турбулентность политических процессов, ограничивая возможности для устойчивого развития региона.

2. Упомянутые трудности влекут за собой не только рост национализма, обуславливая остроту религиозной и этнонациональной повестки, но и во многом детерминируют логику действий и взаимоотношений политических акторов. Еще одной региональной особенностью является столкновение архаики и нарративов современного

²⁷ Фонд мира (The Fund for Peace). URL: <http://global.fundforpeace.org/>; Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations). URL: <http://www.cfr.org/>; Global Assessment Report on Disaster Risk Reduction // GAR. URL: <http://www.preventionweb.net/english/hyogo/gar/2011/en/home/executive.html> (дата обращения: 21.01.2020);

развития, генерирующее настроения панисламизма, ваххабизма, неоосманизма. Они начинают проявляться в политике властей государств, выражением которой становятся враждебные акции, напрямую затрагивающие интересы национальной безопасности Российской Федерации. Так, ощутимее становится влияние идеологии и политики неоосманизма, растет влияние позиций «политического исламизма», причем нередко в крайних формах с нацеленностью на воссоздание «исламского халифата».

3. Не менее важная особенность региона – в том, что на его арене активно проявляют себя внешние игроки, оказывающие сильное воздействие на политические ситуации. Значимыми остаются позиции США, которые стремятся сохранить свое доминирование, смещая усилия в сторону дестабилизации, если не прямой хаотизации, региона, преследуя цели максимального ослабления противников в лице России и Китая.

4. Несмотря на противоречивость региональной политической ситуации, дифференцированный характер применяемых основными акторами стратегий, можно с уверенностью утверждать, что все эти феномены отражают логику современного развития, свидетельствуя о несостоятельности однополярности как гарантии стабильного развития. Характер политического процесса на «Расширенном Ближнем Востоке» подтверждает объективную необходимость перехода к новому миропорядку, в то же время отражая сложности транзита.

5. Складывающаяся на «Расширенном Ближнем Востоке» обстановка поощряет генезис геополитических конфигураций, способных влиять на ситуацию в регионе и мире в целом. Отличительной их чертой сегодня выступает созидательная роль России, что выражается в установлении ее партнерств с государствами региона, взаимодействии с Китаем, коллективном противостоянии гегемонизму США и ставит на повестку дня вопрос о будущих контурах постамериканского/постзападного мира.

6. Внешнеполитические задачи Российской Федерации на «Расширенном Ближнем Востоке» определяются ее национальными интересами, среди которых особое место занимают вопросы обеспечения национальной безопасности. Российская политика нацелена на поддержание стабильности, развитие и диверсификацию торгово-экономического и иного сотрудничества со странами региона. В утверждении детерминированных принципами нового миропорядка норм межцивилизационного диалога приоритетным становится расширение связей с местными культурно-образовательными учреждениями, национальными и религиозными сообществами. Встает конкретная задача сопряжения российской политики на «Расширенном Ближнем Востоке» с ее оптимизацией на Кавказе и в Центральной Азии.

Научная новизна исследования характеризуется наличием следующих особенностей, которые детально не были зафиксированы в ранних исследованиях по сходной тематике:

- конкретизирована возможность существенного приращения научного знания посредством исследования процессов становления многополярного мира через региональные измерения. Дана оценка широко используемого в западной литературе концепта «Большого Ближнего Востока» с критикой включения в его состав акторов, которые, на взгляд автора, принадлежат к другим региональным подсистемам (государства Южного Кавказа (Закавказья), Центральной Азии, Афганистан и Пакистан);

- автором вводится в научный оборот понятие «Расширенного Ближнего Востока», в пределы которого, наряду с относящимися традиционно к региону Ближнего Востока арабскими странами и Израилем, инкорпорируются Турция и Иран. Столь широкая трактовка имеет под собой веские основания. В частности, Иран после Исламской революции 1979 года начал не только позиционировать себя в качестве государства Ближнего Востока, но и активно участвовать во всех ближневосточных процессах, включая конфликты и процессы их урегулирования. Турция,

которая, как и Иран, относилась в советском востоковедении к Среднему, а не Ближнему Востоку, с приходом к власти в 2002 году Партии справедливости и развития во главе с Р.Т. Эрдоганом стала продвигать свой имидж автохтонного ближневосточного актора, все глубже включаясь в региональные процессы. Нынешний статус Турции и Ирана как ближневосточных держав уже не оспаривается ни одним значимым политическим актором региона;

- Афганистан, государства Южного Кавказа и Центральной Азии, будучи геополитически отделены от Ближнего Востока, исключены из прямого участия в происходящих там процессах. Именно поэтому автор рассматривает понятие «Большого Ближнего Востока», слишком широко трактуя географические рамки региона, в качестве конъюнктурно-идеологической, а не научной конструкции, предлагая взамен концепт «Расширенного Ближнего Востока». При этом не отрицается взаимное влияние событий, происходящих в данном регионе, с процессами на Южном Кавказе, в Центральной Азии и Афганистане, однако при том допущении, что последние имеют для «Расширенного Ближнего Востока» сугубо привходящий характер;

- концепт «Расширенного Ближнего Востока» определяет место и роль действующих в регионе акторов, направления и характер их стратегий. Анализ общерегиональных проблем («политический исламизм», суннитско-шиитское противостояние, внешнее давление) в комплексе с их страновыми измерениями позволяет полнее выявить взаимосвязь и взаимообусловленность возникающих на «Расширенном Ближнем Востоке» вызовов и угроз, векторов их обострения и возможностей решения сопряженных с ними проблем. А в глобальном контексте – оценить потенциал и роль региона в утверждении полицентричного мира;

- дается авторская оценка содержания современных версий панисламизма, панарабизма, неоосманизма, их перспектив в реальной политике. Уточняется характер угроз со стороны международного

терроризма в условиях изменившейся обстановки (военное поражение ИГИЛ в Сирии, приход к власти в Афганистане «Талибана»). На конкретном материале, раскрывающем модальности использования американцами «жесткой» и «мягкой» силы, выявляется дестабилизирующая роль США на «Расширенном Ближнем Востоке»;

- исследован характер геополитических конфигураций, образующихся на пространствах «Расширенного Ближнего Востока», определены стратегические установки и направления деятельности их ведущих участников. Выявлена объективно растущая роль в них России с учетом различных типов конфигураций, от геополитических треугольников, векторы которых детерминируются задачами установления и укрепления партнерств России с государствами «Расширенного Ближнего Востока», Китаем и Индией, до образований с выраженными притязаниями Запада на сохранение своего доминирования в регионе;

- конкретизированы задачи по обеспечению национальной безопасности России, ее стратегические приоритеты на пространстве «Расширенного Ближнего Востока», а также – в силу географических, этнонациональных и религиозных обстоятельств – на пространстве прилегающих стран Центральной Азии.

Научно-практическая значимость диссертации определяется тем, что ее выводы позволяют усовершенствовать концептуальные подходы к исследованию турбулентных политических процессов и сложностей утверждения нового миропорядка. Они создают задел для более всестороннего осмысления проблем «Расширенного Ближнего Востока», подвижек в мировой политике. Материалы диссертации могут быть использованы в научных разработках внешней политики Российской Федерации и стратегии обеспечения национальной безопасности.

Появляется практическая возможность скорректировать рекомендации по оптимизации политических усилий России на «Расширенном Ближнем Востоке» и на мировом уровне, уточнить

приоритеты и задачи обеспечения национальных интересов. При этом результаты исследования пригодны для использования в подготовке учебных курсов для студентов и аспирантов.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 38 научных публикациях автора, в том числе 2 монографиях и 36 научных статьях, 34 из которых входят в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России, из них 17 из списка изданий, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук. Общий объем опубликованных работ – более 73 печатных листов. По линии Министерства иностранных дел Российской Федерации автором подготовлен ряд разработок и аналитических записок, имеющих отношение к проблематике диссертации. Основные положения работы были также изложены автором в научных докладах на пятнадцати международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях и круглых столах, организованных МИД России, МВД России, Общественной палатой России, МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО(У) и РУДН.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова и рекомендована к защите.

Структура диссертации соответствует цели, задачам и логике исследования и состоит из введения, четырех глав, включающих семнадцать параграфов, заключения, библиографии в количестве 457 наименований. Количество томов диссертации – 2.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы диссертации с учетом степени ее разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования. Сформулирована научная гипотеза, характеризуется методологическая основа с описанием набора методов исследования, его нормативной и эмпирической базы. Представлен перечень положений, выносимых на защиту, приводятся аргументы, наглядно иллюстрирующие научную новизну и научно-практическую значимость настоящей диссертационной работы.

Первая – теоретическая глава под названием «Современный миропорядок и стратегические приоритеты России: теоретико-методологические аспекты» включает в себя три параграфа. В первом параграфе, озаглавленном «Основные характеристики современного миропорядка», с учетом отсутствия общепринятого определения миропорядка и со ссылкой на российских и зарубежных экспертов приводятся узкие и расширенные его трактовки в привязке к международной системе (сетевой «решетке» структурно-функционального взаимодействия вертикального и горизонтального порядка), межгосударственным отношениям и заметной роли негосударственных акторов.

Рассматривается дихотомия моноцентричности и полицетричности мира: вразрез с западными идеями «гегемонистской стабильности», линией на сохранение за США глобального лидерства (модели «трех шахматных досок» Дж. Ная, «хартленда» Зб. Бжезинского) делается вывод о транзитном переходе от однополярного к многополярному миропорядку. Выявляются сопряженные с этим угрозы: ведущая к глобальному противостоянию политика Запада по сдерживанию других центров силы (России, Китая); распространение локальных конфликтов; опасность «гибридных» и информационных войн как их составного элемента; вызовы терроризма и

экстремизма, наркобизнеса, киберпреступности; проблемы окружающей среды. В унисон с тезисом С. Хантингтона обращается внимание на риски замены борьбы идеологий коммунизма и либерализма противостоянием «Запад против остального мира».²⁸

Во втором параграфе «"Расширенный Ближний Восток" в системе геополитических и научных координат» анализируется происхождение данного понятия, которое сравнительно недавно вошло в научный и политический дискурс. Рассмотрены различные подходы к идентификации его географических пределов: начиная от западного взгляда с причислением к «Новому Большому Ближнему Востоку» стран Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока «от Марокко до Пакистана» (включая Турцию и Афганистан) до максимально расширенной трактовки рядом отечественных авторов (Ганиев Т.А., Карякин В.В.)²⁹, которые включили в ближневосточный «мегарегион» Малую Азию, Закавказье и даже Центральную Азию.

С учетом того, что одно лишь географическое измерение не в полной мере отражает суть и содержание феномена Ближнего Востока, вводится авторское понятие «Расширенный Ближний Восток». К нему, помимо арабских стран и Израиля, отнесены Иран и Турция, но не Афганистан, отгороженный от этого пространства иранским бастионом. За рамками остаются Южный Кавказ, Центральная Азия и Пакистан, искусственное «втягивание» Западом которых в «Большой Ближний Восток» рискует стать фактором дестабилизации в районах, примыкающих к границам России, крепко связанных с ней историческими и цивилизационными корнями.

При этом подчеркивается сугубо рабочий характер понятия «Расширенный Ближний Восток», явно недостаточный для всего масштаба реализации внешнеполитических измерений России, которая в подобном случае выступает в качестве влиятельного, однако внешнего игрока. В этом

²⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 33.

²⁹ Большой Ближний Восток как новый феномен геополитической реальности современного мира. Доступ: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/> (Дата обращения: 22.06.2021).

смысле более оптимальным является концепт евразийского пространства, подразумевающий органическое присутствие России, а заодно открывающий окна возможностей для развития диалогов не только с исламским миром, но и с Китаем и Индией.

В теоретическом плане отдельное внимание со ссылкой на отечественных ученых (Наумкин В.В., Кузнецов В.А.) уделяется анализу политической ситуации в регионе «Расширенного Ближнего Востока». Речь идет об императиве осуществления субъектности исламского мира на цивилизационном и государственном уровнях, не забывая о роли национальных и транснациональных движений, принявших на вооружение дискурсы неоосманизма, политического ислама, панарабизма. С другой стороны, учитываются зачастую переплетающиеся и противоречивые в условиях глобализации действия внешних акторов в лице государств-центров силы полицентричного мира. Все это обуславливает многообразие подходов в научном анализе.

Третий параграф «Стратегические приоритеты России в условиях утверждения многополярного мира» посвящен исследованию комплекса вопросов, связанных с модальностями обеспечения национальных интересов Российской Федерации. Делается экскурс в недалекое прошлое, чтобы показать, как после распада СССР Россия столкнулась с рисками потери исторической памяти, превращения в сырьевой придаток и перехода под внешнее управление Запада под лозунгами «встраивания в мировую цивилизацию».

Рассматривается концепт суверенитета как один из системных признаков национального государства, что предполагает верховенство и самостоятельность государственной власти, независимость в отношениях с мировым сообществом. В этой связи обосновывается тесная связь между внутренними и внешними угрозами национальной безопасности.

Изложены условия перехода к новому многополярному миру, обозначенные в свое время Е.М. Примаковым: недопущение появления

новых разделительных линий противостояния между государствами вместо старых; демократизация международных экономических отношений; скоординированные действия международного сообщества для решения задач по урегулированию конфликтов, сокращению вооружений и упрочению доверия в военной сфере, укреплению гуманитарного и правового компонентов безопасности, а также по оказанию содействия странам, испытывающим трудности в своем развитии. Указывается на обозначившиеся в глобальной политике после терактов 11 сентября 2001 года две противоположные тенденции: попытки совместного реагирования на угрозы с опорой на ООН и «унилатерализм» – насаждение практики принятия США односторонних решений вопреки мнению большинства государств. В этом смысле дается оценка «возвращения» России на «Расширенный Ближний Восток»: ее все более активная роль арбитра в спорах между государствами региона, например, Ираном и Турцией в Сирии, Саудовской Аравией и Ираном в контексте суннитско-шиитского противостояния, оказание военной помощи в борьбе с терроризмом, призваны снизить степень негативного влияния второй тенденции на процесс перехода к многополярному миру. Со ссылкой на признания тех же американцев перечисляются достигнутые Москвой дипломатические успехи: миротворчество в Сирии; установление дружественных отношений с Турцией, невзирая на ее историческую враждебность России и членство в НАТО; развитие конструктивных контактов с Израилем и арабскими странами Персидского залива, традиционно придерживающимися прозападной ориентации; успешное отстаивание энергетических интересов в ОПЕК+.

Во **второй главе** «"Расширенный Ближний Восток": проблемы единства и фрагментации» шесть параграфов, в которых исследуются «сквозные» проблемы соотношения центробежных и интеграционных тенденций, исходя из расстановки политических сил в регионе в целом и в отдельно взятых государствах, процессов глобализации,

транснационализации, трансрегионализации, информатизации, цифровизации и других связанных с ними факторов.

Первый параграф «Панарабская идея и арабский национализм как факторы политического развития региона» рассматривает дискурс арабского национализма (панарабизма, арабизма), который, придя на смену присущему Османской империи традиционному панисламизму, в XX веке послужил консолидирующим фактором, идейно-политической, идеологической основой борьбы арабских народов за национальное освобождение, формирование независимых государств.

При этом на Ближнем Востоке возникли конкурирующие или дополняющие друг друга «гибридные идеологии нациестроительства», построенные как на левых идеях (баасизм, насеризм, южноафриканский и палестинский марксизм), так и на националистических ирредентистских концептах (проекты Великой Сирии, Благодатного полумесяца, Долины Нила, Магриба), страновом национализме (в Тунисе). Упомянуты и более маргинальные идеи неарабского этнического национализма (берберского, курдского), внутригосударственного регионализма (Триполитания и Киренаика в Ливии), панрегионализма (средиземноморского единства в Ливане и Тунисе), африканской идентичности (Марокко, Египет, Судан)³⁰.

При исследовании дихотомии арабского и исламского дискурсов проводится черта между арабской и исламской идентичностями. Отмечается, что ислам используется арабами как сторона национального самосознания или арабского национализма в многообразных формах. Так, исламская религия может выступать как социально-философская, мировоззренческая основа политико-государственной самоорганизации народа (например, в Саудовской Аравии) и являться одним из ключевых компонентов культурно-исторического наследия, социокультурной, политико-культурной системы (в Тунисе, Египте, Сирии).

³⁰ Кузнецов В., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире // Россия в глобальной политике, 13 марта 2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstva-naczi-v-arabskom-mire/> (дата обращения: 20.11.2019).

Дается историческое описание межарабских интеграционных инициатив с учетом того, что одних только проектов объединения государств более десятка (например, существовавшая в 1958-1961 гг. Объединенная Арабская Республика в составе Египта и Сирии). Перечислены основные межарабские и исламские международные организации: Лига арабских государств (ЛАГ), Организация исламского сотрудничества (ОИС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Союз арабского Магриба (САМ).

Для описания среды, в которой пребывает в настоящее время арабский мир, приводится характеристика конфликтогенных зон на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Обращается внимание на умножение зон эскалаций, хотя и разделяющихся по накалу: от сравнительно мирных (Тунис, Марокко), не начавшихся (Алжир) и «замороженных» социально-политических трансформаций (Египет) до буквально рвущих на части государственность (Ирак, Ливия, Сирия, Йемен). Делается связанный акцент на присущий Арабскому Востоку характер неоднородного симбиоза стран, народов и субрегионов (Магриб, Машрик) с природно-географическими, этнонациональными, демографическими, историческими, социокультурными, политико-культурными, лингвистическими различиями и сильным перепадом уровней социально-экономического развития. Дается оценка ряду таких факторов, как отсутствие в арабском мире признанного лидера-объединителя, неспособность ЛАГ выработать единую политику противостояния Израилю и провал общих усилий ССАГПЗ по сдерживанию Ирана.

Отмечается, что все указанные моменты в сочетании с метаниями между современными и архаичными моделями общественного устройства на волне «Арабской весны» (включая фактор политизации и архаизации ислама в виде навязывания элементов исламского жизненного уклада – шариата), либеральными и авторитарными идеями затрудняют перспективы единения арабского мира. Не способствует интеграции скромный

региональный товарооборот (5-8 % совокупной внешней торговли) с ориентированностью торгово-экономических связей на субрегиональные (примером служат связи между странами ССАГПЗ) и двусторонние форматы при слабо развитых межарабских логистических сетях.

Однако, невзирая на объективные и субъективные препятствия, делается оправданный вывод о сохранении в условиях транзита к многополярному миру определенного объединительного потенциала арабизма/панарабизма, особенно в области культурного сотрудничества, политики исторической памяти.

Во втором параграфе «"Политический исламизм": системные характеристики, структурные составляющие и основные цели» речь идет о современной роли исламской религии во внешней и внутренней политике, общественной жизни стран «Расширенного Ближнего Востока». Обосновывается тезис о повышении этой роли в условиях образовавшегося в 1990-е годы идейного вакуума, вызванного кризисом левых идеологий, ростом коррупции и утратой властью авторитета в глазах народа. Все это на фоне возникших у населения завышенных ожиданий материального благополучия, социальной справедливости и политических свобод спровоцировало в 2011 году драматические протестные события, получившие название «Арабская весна». Логично, что на передний план, в силу большей организованности, вышли исламские консерваторы, такие как «Братья-мусульмане», утверждавшие, что первопричина бед – отступление от устоев ислама, а ключ к решению проблем – восстановление погрязших принципов³¹.

Анализируется главная цель интеграционных проектов «исламистов» – строительство путем экспансии «исламского государства» – халифата, возрождение панисламизма как единственно верной, данной самим Богом идеи преобразования мирового сообщества. При этом со

³¹ Мирский Г. Цивилизация бедных // Отечественные записки. 2003. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/5/czivilizacziya-bednyh.html> (дата обращения: 20.11.2019).

ссылкой на В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова проводится мысль о необязательно силовых сценариях исламизации, вредном и ошибочном приписывании исламскому миру нетерпимости и неприятия свободы³². Именно миролюбивые сущностные особенности ислама открывают перед Россией горизонты для диалога с мусульманскими международными организациями (ОИС и другими), властями исламских государств, объективно заинтересованными в утверждении нового миропорядка, руководством отдельных политических движений и организаций.

С другой стороны, в параграфе выявляется неоднородность политического пространства мира ислама, где поднял голову «политический исламизм», в рядах приверженцев которого нередко доминирует ваххабизм. Под этим собирательным названием объединяются разнородные группировки, в том числе «Братья мусульмане», «Аль-Каида», ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусра», «Джайш аль-Ислам», «Джихад» и многие другие. Они генерируют экстремистские идеи и проекты под знаменем джихада («священной войны против неверных»), отвергая не только светские идейно-политические конструкции, но и нормы традиционного ислама.

Наряду с подъемом экстремизма, констатируется возросшая активность движений, названных на Западе фундаменталистскими или интегристскими (это «Хезболла» в Ливане, «Исламский фронт спасения» в Алжире, «Аль-Гамаа аль-Исламия» в Египте). Их участников причисляют к «исламистам»³³. Уникальным инструментом стал Корпус стражей исламской революции, учрежденный в Иране для экспорта исламской революции, правда, в основном только в страны с шиитскими общинами и нестабильной политической обстановкой. Подобные наступательные действия вызвали изоляцию Ирана со стороны Запада и значительной части мусульманского мира, обусловив создание в начале 1980-х годов антииранской коалиции, поддержанной большинством арабских стран.

³² Международные отношения и мировая политика. Учебно-методический комплекс. М.: РОССПЭН, 2014. С. 313.

³³ Донцов В.Е. Ислам в международных отношениях // Дипломатический ежегодник. 1997. С. 62–89.

Важная смысловая часть параграфа посвящена объектам экспорта идей исламизма в постсоветский период в новые независимые государства Центральной Азии, субъекты Российской Федерации с мусульманским населением на Северном Кавказе (и в некоторой степени в Приволжье) и Азербайджан. Дается анализ деятельности исламских благотворительных фондов, пунктов пропаганды, бесплатных религиозных учебных заведений, оборотной стороной создания которых стало усиление влияния исламистских организаций и, как следствие, возможности для деятельности экстремистских и даже террористических структур.

Не обойден вниманием факт преследования рядом мусульманских стран, помимо конфессиональных, идеологических и политических соображений, своих экономических интересов с использованием камуфляжа «единого исламского мира». Так, нефтедобывающие государства выступают как субъекты нефтяной и трубопроводной дипломатии, в связи с чем неслучайным представляется возникновение конфликтов именно в нефтеносных районах. Осуждая исламских экстремистов на словах, некоторые власти и неправительственные организации поддерживают их материально и «добровольцами», что опять же актуально на постсоветском пространстве.

В третьем параграфе «Суннитско-шиитское противостояние в геополитических реалиях Ближнего Востока» исследуются «сквозные» сюжеты для всего «Расширенного Ближнего Востока», в меньшей мере ориентированные на отдельные государства. В центре внимания находится давнее суннитско-шиитское противостояние, в котором угадываются особенности политической субъектности региона, когда сторонами конфронтации выступают и государства (исторические полюсы противостояния – суннитско-ваххабитская Саудовская Аравия и шиитский Иран), и структуры религиозно-политического толка.

Отмечается, что толчком к обострению вышеуказанной конфронтации в новейшей истории послужила Исламская революция в Иране, вызвавшая

рост религиозного и национального самосознания шиитов. В Саудовской Аравии возникли опасения распространения шиитского (а значит, иранского) влияния на зону Персидского залива, где шииты составляют значительную часть населения во всех шести монархиях (в Бахрейне – большинство). Позднее в нулевых годах обеспокоенность суннитских государств вызвала угроза появления «шиитской дуги» («Шиитского полумесяца») в составе Ирана, Ирака, Сирии и Ливана. Еще больше конфронтация обострилась после «Арабской весны» в зонах внутренних вооруженных конфликтов в Сирии (где у власти находятся представители алавитской общины, причисляемые суннитскими теологами к крайним шиитским сектам) и Йемене. На основе сказанного делается вывод о том, что стержнем суннитско-шиитского противостояния в наши дни является не религиозный спор, а претензии сторон на доминирование на Ближнем Востоке.

В четвертом параграфе «Курдский вопрос в Ближневосточном регионе» затрагивается курдская проблема, также являющаяся «сквозной» и значимой для «Расширенного Ближнего Востока». Выдвигается тезис о том, что разбросанность по пространству Ближнего Востока курдов – самого многочисленного народа мира, лишенного своей государственности, напрямую и негативно сказывается на социально-политической стабильности в регионе. В подтверждение приводится тенденция к росту курдских требований автономии (вплоть до предоставления права на независимость) в свете низкого уровня жизни курдов, несоизмерного с природными (нефтяными) богатствами населенных ими районов.

Среди препятствий на пути урегулирования курдского вопроса упоминается внутрикурдский фактор: сложившаяся пестрая палитра течений, организаций, политических структур (Демократическая партия Курдистана, Патриотический союз Курдистана, Рабочая партия Курдистана), зачастую преследующих противоположные интересы. Немалое значение по-прежнему имеет консервация архаичных традиций,

племенного партикуляризма, сословности, клановости, клиентелизма, патернализма, стимулирующих междоусобные распри.

Приводится ссылка и на противоречивую внешнюю картину, когда, с одной стороны, многие политические силы за рубежом симпатизируют устремлениям многострадального курдского народа, а с другой, любое формальное признание независимого курдского государства чревато непредсказуемыми катаклизмами для всего Ближнего Востока. Так, превратившись в одного из основных внутренних акторов сирийского конфликта, местные курды в районах своего компактного проживания, особенно вдоль границы с Турцией, стали угрозой территориальной целостности Сирии. Ситуация еще больше усложнилась на фоне непризнанных итогов голосования курдского населения за независимость в ходе прошедшего в 2017 году референдума в Ираке.

Параграф пятый «Место и роль ИГИЛ в политических конфликтах на "Расширенном Ближнем Востоке"» посвящен динамичной оценке глобальной террористической угрозы в современном мире на примере ИГИЛ.

Отмечены уникальные черты «Исламского государства Ирака и Леванта» как квазигосударственной организации с государственно-властными атрибутами – в отличие от той же «Аль-Каиды». Речь идет об органах управления, собственной спецслужбе ИГИЛ (Совет по безопасности и разведке), более-менее четко сформулированных политической и экономической программах, элементах социальной политики. Выявляется повышенная опасность игиловской идеологии, пропагандирующей «справедливый джихад» и создание «исламского халифата», ориентированной прежде всего на молодежь.

Со ссылкой на формирование кадрового потенциала ИГИЛ за счет бывших офицеров иракской армии времен С. Хусейна показывается способность ИГИЛ, особенно на начальном этапе, канализировать накопившийся в регионе взрывной потенциал с целью расширения своей

социальной базы, в том числе за счет казалось бы невозможной, на первый взгляд, консолидации «исламистов» и светских баасистов³⁴.

Отмечается и другая уникальная черта – попытка строительства игиловцами «квазиэкономики», в связи с чем упоминаются нефтедобыча, переработка, контрабандный экспорт нефти и импорт стратегических товаров. Дается анализ выстраивания главарями ИГИЛ собственной морально-ценностной системы, неприемлемых для цивилизованного общества социальных отношений, в числе которых продажа людей в рабство, массовые религиозные преследования, попустительство преступным проявлениям со стороны власти.

Особенности генезиса ИГИЛ экстраполируются на контекст суннитско-шиитского противостояния, имея в виду значимую роль, которую сыграли в зарождении данной террористической организации клерикально-политические круги Саудовской Аравии и Катара, поначалу рассматривавшие «Исламское государство» в качестве противовеса иранской экспансии. Лишь по прошествии времени в Эр-Рияде осознали угрозу, исходящую от джихадистов для самого государства саудитов.

Анализируются причины живучести ИГИЛ, сохранившейся после поражений на территории Сирии и Ирака, гибкость методов (переход к тактике диверсий и партизанских действий, использование «спящих» ячеек, пропаганда терроризма в СМИ), притягательности джихадистских идей для части населения «Расширенного Ближнего Востока», субъектов Российской Федерации с преобладающим мусульманским населением, республик Центральной Азии. По совокупности с возвращением на родину боевиков ИГИЛ все это представляет собой вызов для национальной безопасности России.

Наконец, дается развернутое описание исходящих от исламских радикалов («Хизб-ут-Тахрир», ИГИЛ и других) угроз для конкретных

³⁴ Ильминская М.Ф. Феномен «Исламского государства»: идеология, политическая цель, причины успеха // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология», 2014, № 4. – С.15-23.

центральноазиатских государств (Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Казахстана) с учетом трансграничной координации террористических группировок, наличия острых внутренних проблем (бедности, коррупции, клановости), близости Афганистана.

В шестом параграфе «Стратегии «демократической революции» как фактор дестабилизации "Расширенного Ближнего Востока"» анализируется «сквозное» воздействие на политический процесс в регионе США и блока евроатлантических держав. Исходным авторским посылом является признание единства стратегий «коллективного Запада», несмотря на интересы отдельно взятых западных государств (тех же Великобритании или Франции), которые в данной работе не рассматриваются. Обосновывается и тезис о выходящем далеко за рамки собственно Ближнего Востока значении западного воздействия, которое следует рассматривать через максимально широкую призму мироустройства, оценок места и роли в нем ведущих центров силы.

С отсылкой к концептам американских идеологов неоконсерватизма анализируется концепция американизации современного мира, лежащая в основе «либерально-имперской» политики США на мировой арене в целом и на пространстве «Расширенного Ближнего Востока» в частности.

Внимание акцентируется на используемом Вашингтоном под флагом поддержки «демократической революции» обширном арсенале приемов и установок, от реализма и неореализма до «мягкой силы» и «гибридных войн». Причем, несмотря на тактические маневры в зависимости от контроля Белого дома республиканцами или демократами (сравниваются действия президентов Б. Обамы и Д. Трампа), устои американской политики остаются прежними.

Не оставлены без внимания постулаты Дж. Ная-младшего о «мягкой силе», ипостасью которой стала инициированная Вашингтоном «война ценностей» под лозунгами защиты «универсальных» прав и свобод человека, демократии. На конкретных примерах (использование

глобальных брендов Disney, Apple, McDonald`s, Starbucks, Facebook; деятельность «филантропов» Б. Гейтса и Дж. Сороса), со ссылками на Стратегию национальной безопасности США 2015 года и практиков (экс-замгоссекретаря США Н. Бёрнс) показывается, как Вашингтон совместно с Европой старается продвинуть западные ценности на Восток – в Россию, на Украину, Кавказ и в Центральную Азию³⁵. В зону экспансии входит и «Расширенный Ближний Восток».

Обосновываются аргументы в пользу наличия серьезных изъянов в указанных ценностных ориентирах США с точки зрения их цивилизационной узости и политической несостоятельности. Планы Вашингтона превратились в сильный раздражитель для исламского мира, когда даже многие местные потребители американской культуры остаются прямо враждебными по отношению к тому, что они считают американским культурным империализмом, рассматривая США как источник угроз своей идентичности и ценностям.

Характеризуется перечень приоритетов гегемонистской внешней политики США на «Расширенном Ближнем Востоке»: обеспечение надежного доступа к источникам углеводородных ресурсов, сдерживание мировых конкурентов и региональных государств, претендующих на доминирование в регионе, поддержка Израиля, борьба против «исламского» терроризма. В качестве лакмуса попыток американской дипломатии по достижению указанных целей выглядит ситуация вокруг принятого ООН Плана действий по предупреждению насильственного экстремизма 2015 года³⁶. С подачи Вашингтона его содержание оказалось выхолощенным: антитеррор по сути «растворялся» в аморфной задаче «противодействия насильственному экстремизму», а действия террористов

³⁵ Burns R.N. A Renewed Partnership for Global Engagement. URL: <http://www.state.gov/p/us/rm/2005/58488.html> (дата обращения: 20.11.2019). National Security Strategy. February 2015 URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

³⁶ Доклад Генерального Секретаря от 24 декабря 2015 г. «План действий по предупреждению насильственного экстремизма». URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/456/22/PDF/N1545622.pdf?OpenElement> (дата обращения: 30.04.2022).

сводились к мотивам «вынужденного сопротивления репрессивным режимам». То есть во внешне привлекательной оболочке американцами проводилась та же линия на подрыв государственного суверенитета.

Тем не менее, несмотря на конкретные провалы политики США (уход из Афганистана, ситуация в Ираке) делается предостерегающий вывод об ожидаемом наращивании применения американцами «мягкой силы» с целью подрыва изнутри неудобных режимов, культивирования среды «управляемого хаоса». Опорами здесь выступают статус экономико-технологической державы и сохраняющееся военное присутствие США в странах «Расширенного Ближнего Востока» (базы в Бахрейне, в Джибути, Египте, Иордании, Йемене, Катаре, Кувейте, ОАЭ, Омане, Марокко, Турции). Поэтому логично, что противостояние гегемонизму США остается в списке задач российской внешней политики.

В **третьей главе** «Государства «Расширенного Ближнего Востока» в системе геополитических и внутривосточных интересов и приоритетов» пять параграфов, посвященных исследованию региональной ситуации в страновых измерениях. Сделана оговорка о невозможности вместить в диссертацию в силу ограниченности ее объема всех основных модальностей, связанных с политикой государств региона и их сложных взаимоотношений. По этой причине за рамками главы остались, либо были лишь фрагментарно затронуты аспекты, касающиеся Израиля, Египта, конфликтов в Йемене, Ливии и Сомали.

Первый параграф «Сирийский узел в Ближневосточном конфликте» содержит анализ конфликта в Сирии, которая в силу географического положения, исторического наследия, этноконфессионального состава занимает одно из заметных мест во всем ближневосточном регионе. Гражданская война в Сирии стала лакмусом раскола арабского мира и «Расширенного Ближнего Востока».

Под критическим углом рассматриваются западные интерпретации причин гражданской войны, связываемые с «российским

экспансионизмом». Речь, в частности, идет о версии об углеродно-трубопроводном факторе, лежащем в основе сирийского конфликта, тенденциозно выстраиваемые по следующей цепочке: в 2009 году президент Сирии Башар Асад отказался от прокладки по территории своей страны газопровода Катар – Саудовская Аравия – Иордания – Сирия – Турция в Европу, поскольку это якобы нанесло бы удар по российскому экспорту газа. Далее по совокупности делается «заклучение» о причастности России к событиям 15 марта 2011 года в Сирии, послужившим триггером конфликта.

В ответ автор обосновывает наличие множественных причин конфликта, связанных, с одной стороны, с условиями внутри Сирии, а с другой – с логикой ее отношений в регионе: с Израилем, Турцией, Ираном, странами ССАГПЗ. Резко негативную роль сыграла внешняя агрессия Запада с попыткой реализации (провалившейся благодаря военной поддержке России) привычного сценария экспорта «демократической революции».

На этой основе делается логический вывод об интернационализации конфликта, от которого, по выражению Д.В. Тренина, зависит не только будущее самой Сирии, но и расклад сил на Ближнем и Среднем Востоке, перспектива борьбы с международным терроризмом и формирующийся мировой порядок³⁷. В результате сирийский конфликт быстро превратился в «многослойный пирог» с несколькими накладывающимися друг на друга войнами на фоне мозаичных интересов отдельно взятых государств, блоков и негосударственных акторов. В их числе США и НАТО (при отстраненности ЕС), Саудовская Аравия и Катар, Иран, Россия и Турция, а также ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусра».

В контексте сирийского конфликта резюмированы российские задачи в сфере национальной безопасности, противодействия терроризму,

³⁷Тренин Д. Портрет сирийской войны // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/portret-sirijskoj-vojny/> (дата обращения: 20.01.2020).

восстановления положительного имиджа России в регионе и сохранения военного присутствия на сирийской территории (базы Хмеймим и Тартус). Сохранение у власти Б. Асада можно считать крупным успехом России, что вынуждены признать на Западе³⁸. Это подтолкнуло власти США и их союзников к рабочему диалогу с Россией, в том числе в разрезе тактического военного взаимодействия.

Проанализированы цели Ирана в контексте сирийского конфликта, основная из которых – сохранение «дуги» Тегеран – Багдад – Дамаск – Бейрут, а также Турции, стремящейся к нейтрализации любых сценариев создания курдской автономии в Сирии, не говоря уже о провозглашении курдами независимого государства.

Второй параграф «Стратегические ориентиры Турции в геополитических реалиях Ближнего и Среднего Востока» раскрывает место и роль на пространстве «Расширенного Ближнего Востока» Турции. Именно она контролирует черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, превратившись после Второй мировой войны в фактический форпост западного мира на южном фланге НАТО.

Наряду с выгодным геополитическим положением, отмечается другой не менее важный момент: за последние два – три десятилетия Турция вошла в число самых динамично развивающихся экономик мира. Приход к власти умеренно-исламистской Партии справедливости и развития позволил приступить к реформам в русле экономической либерализации и заодно к расширению роли ислама в обществе.

Раскрывается динамика внешней политики Турции: дрейф от исторических принципов евроатлантизма, укрепления экономических связей с соседями³⁹, подразумевавших ориентацию на Запад, курс на вступление в ЕС и партнерство с Израилем, в сторону обретения статуса

³⁸ Mackinnon M. Russia Sees Opening to Play Power Broker in Middle East and Beyond // The Globe and Mail, February 2, 2018. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/russia-sees-opening-to-play-power-broker-in-middle-east-and-beyond/article37824966/> (дата обращения: 20.11.2019).

³⁹ Аватков В.А., Иванова Н.А. Россия и Турция: противостояние идеологий // Свободная мысль. – 2012. – № 9-10. – С. 189.

ключевого игрока на всем «Расширенном Ближнем Востоке». На этой волне Партия справедливости и развития начала расширять связи с арабским миром, прежде всего, со странами ССАГПЗ по формуле «ноль проблем с соседями», позиционируя турецкого лидера Р.Т. Эрдогана как защитника всех мусульман. Одновременно в политику вносились коррективы, осложнявшие отношения Турции с Западом, а в регионе – с Израилем, военно-техническое сотрудничество с которым было свернуто официальной Анкарой, тем самым частично пересмотревшей формулу «ноль проблем с соседями».

С другой стороны, в диссертации обращается внимание на определенные успехи турецкого руководства в развитии отношений с арабскими странами, например, Катаром на базе близости позиций по ряду региональных проблем (сирийский кризис, военный переворот в Египте в 2013 году, поддержка «Братьев-мусульман» и ХАМАС) и взаимной заинтересованности на экономическом треке. Неслучайно именно Турция поддержала Катар во время дипломатического кризиса внутри ССАГПЗ в 2017-2021 гг. Еще раньше в 2014 году между Анкарой и Дохой было заключено соглашение о размещении на территории Катара единственной турецкой военной базы на Ближнем Востоке.

Не оставлен за рамками исследования список турецко-американских раздражителей. Речь, прежде всего, о попытке госпереворота в Турции летом 2016 года, в причастности к которому турецкие власти обвиняют Вашингтон, различиях позиций в курдском вопросе, резко негативной реакции Анкары на признание Д. Трампом Иерусалима столицей Израиля. Для американской стороны камнем преткновения явилось приобретение Турцией в нарушение натовской солидарности российского зенитно-ракетного комплекса (ЗРК) С-400. И все это происходит на фоне подъема в Турции антизападных настроений, разочарования населения и элит политикой интеграции в ЕС.

Рост турецко-западных противоречий и турбулентность в отношениях, на что обращается внимание в диссертации, не означают скорых перспектив разрыва Турцией союзных связей с Западом (США, НАТО, ЕС). Исходя из этого, не стоит слишком оптимистически оценивать контакты Анкары с Москвой, забывая об инциденте 2015 года со сбитым самолетом ВКС Российской Федерации в Сирии, антироссийской позиции Анкары по Крыму, турецкой военной помощи Киеву в ходе российской спецоперации на Украине. С другой стороны, в пользу позитивного сценария российско-турецких отношений свидетельствует отказ Турции поддержать санкции против России в сочетании с поступательным развитием энергетического диалога и торгово-экономических связей.

Отдельным штрихом показана эволюция идейной составляющей внешней политики Турции с частичным отходом от идеологии кемализма с ее принципами «шести стрел» (республиканское устройство, светскость государства, народность, вестернизация, этатизм, национализм) в пользу «неоосманизма». Страна нацелилась на обретение собственного ближневосточного, балканского, кавказского и центральноазиатского измерений, используя пантюркистские и панисламистские установки, к чему Россия не вправе оставаться равнодушной.

В третьем параграфе «Стратегические ориентиры Ирана в геополитических реалиях Ближнего и Среднего Востока» дается представление еще об одном влиятельном государстве региона, расположенном вблизи российского южного «подбрюшья» на стыке Кавказа, Центральной Азии, Прикаспия и Южной Азии с выходом к Индийскому океану.

В числе объективных преимуществ Ирана среди государств «Расширенного Ближнего Востока» называются: 25-е место среди экономик мира, громадные запасы углеводородных ресурсов (Иран – член ОПЕК, здесь сконцентрировано 10 % доказанных мировых запасов нефти и 15 %

природного газа⁴⁰), удобные маршруты доступа в Индию, Китай и страны АСЕАН с перспективным подключением к инициативе «Один пояс – один путь». Как уже упоминалось ранее, Иран является центром мирового шиизма и, наряду с Турцией и Саудовской Аравией, обладает самыми мощными в регионе вооруженными силами.

Отдельно исследуется блок проблем, связанных с иранским ядерным досье, а конкретно – с судьбой Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). Данное соглашение было заключено в 2015 году Великобританией, Германией Китаем, Россией, США и Францией, предусматривая ограничение иранских ядерных разработок в обмен на отмену санкций СБ ООН, США и ЕС. Однако в 2018 году США в одностороннем порядке вышли из СВПД. Это привело к новому витку санкций с целью свести к нулю иранские нефтяные доходы и принудить Тегеран, по выражению госсекретаря США М. Помпео, изменить свое поведение на международной арене⁴¹ (отказаться от производства баллистических ракет, вывести вооруженные формирования из Сирии и т.д.).

Упомянутые меры, как подчеркивается в диссертации, отчасти потерпели фиаско по причине их неприятия европейскими союзниками Вашингтона: Великобританией, Германией и Францией, которые не вышли из ядерной сделки. Сказалась и стойкость иранской дипломатии, несмотря на вызванные санкциями экономические проблемы: высокие темпы инфляции, безработицу, усиление подрывной работы со стороны части оппозиции. В результате хотя задачей для Тегерана стал выход на взаимоприемлемые договоренности с администрацией Дж. Байдена по СВПД, враждебные действия США превратили Иран в последовательного противника однополярного мира.

⁴⁰ 40 лет Исламской Республике Иран (коллективная монография) / Отв. ред. Каменева М.С., Федорова И.Е. // *Арабаджян З.А., Бехештинур Х., Гладкова Е.Л. и другие.* М.: Институт востоковедения РАН, 2020. – 358 с.

⁴¹ День X: США ввели санкции против Ирана. Минфин США опубликовал список санкций против Ирана // Газета.ru, 05.11.2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/05_a_12047923.shtml (дата обращения: 20.01.2020).

Дается оценка усилий Ирана по распространению влияния на «Расширенном Ближнем Востоке» и в прилегающих районах, развитию с этой целью отношений в сфере экономики и культуры с соседями (Ираком, Сирией, этнически близким Таджикистаном). Делается вывод о прагматической линии иранского руководства по укреплению стратегических партнерств с Китаем и Россией, несмотря на непростой исторический багаж двусторонних отношений; детально описывается контент российско-иранского диалога на нынешнем этапе, включая координацию в Сирии.

Четвертый параграф «Проблемы взаимодействия монархий Персидского залива» сфокусирован на перипетиях отношений арабских стран этого субрегиона между собой и с внешними акторами. Фиксируется значительный конфликтный потенциал внутри ССАГПЗ, сложившийся вопреки высокому уровню жизни, гигантским запасам природных ресурсов и давним союзным отношениям с США. Причем последний фактор действительно играл скорее негативную роль на фоне подъема антиамериканизма в арабском мире, ограничивая к тому же национальный суверенитет стран ССАГПЗ.

Анализ в параграфе представлен дифференцированно – с разбивкой по государствам субрегиона, начиная с ведущей военной и экономической державы – Саудовской Аравии, стремящейся к бесспорному первенству на Ближнем Востоке и духовному лидерству в исламском мире. На саудовской территории, как известно, находятся две главные исламские святыни: мечеть с Каабой в Мекке и мечеть Пророка Мухаммеда в Медине, а глава королевского Дома саудитов носит титул «Хранителя Двух Святынь». Движимый амбициями по усилению своего влияния, Эр-Рияд остается движущей силой «антишиитской дуги», по сути направленной против Ирана.

В борьбу за доминирование с саудитами вступил Катар, который, несмотря на компактность территории, занимает третье место в мире (после

России и Ирана) по запасам природного газа и вышел на ведущую позицию среди азиатских стран по ВВП на душу населения. Запустив международную пропагандистскую машину – телекомпанию «Аль-Джазира», Катар также вошел в короткий список влиятельных игроков на рынке информационных услуг, получив возможность формировать под себя арабское общественное мнение. И Эр-Рияд и Доха выступили оппонентами в регенерации духовно-идеологической слагаемой общественно-политических процессов на Ближнем Востоке.

Саудовско-катарское соперничество вызвало в 2017 году острый кризис внутри зоны ССАГПЗ и в арабском мире в целом. Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет разорвали с Катаром дипломатические отношения (члены ССАГПЗ Кувейт и Оман отказались) и ввели санкции, установив транспортную блокаду на Аравийском полуострове. Конкретными причинами послужило установление Дохой тесных связей с Турцией, но главное, с Ираном, а также, по мнению ряда экспертов, помощь Катара враждебным саудовцам шиитам-хуситам в Йемене. Кризис в ССАГПЗ удалось погасить лишь в начале 2021 года.

С учетом изложенного обосновывается идея о том, что однополярный мир, против которого никогда не выступали ни Саудовская Аравия, ни Катар, не является гарантией стабильного развития. Напротив, транзит к многополярности открывает окна возможностей: так, например, Россия перестала рассматриваться Эр-Риядом в качестве врага. Начало взаимному сближению положил первый в истории обеих стран визит Президента России В.В. Путина в Эр-Рияд в 2007 году, а в 2017 году состоялся ответный визит в Москву саудовского короля Сальмана Бен Абдель Азиза Аль Сауда. Приводятся факты торгово-экономического и энергетического сотрудничества между Россией и Саудовской Аравией, а также о содержании контактов между Россией и Бахрейном, власти которого на фоне спецоперации на Украине не присоединились к санкционной войне Запада против России.

Пятый параграф «Афганский фактор как вызов национальной безопасности России и как элемент воздействия на ситуацию на "Расширенном Ближнем Востоке"» посвящен Афганистану, который, хотя не относится к данному региону, исторически поддерживает тесные связи с арабским миром и особенно с государствами Центральной Азии ввиду общности этнических групп (таджиков, узбеков, туркменов).

Исходящая для Центральной Азии из Афганистана террористическая угроза остается прямым вызовом для национальной безопасности Российской Федерации – тем более в условиях турбулентности, усилившейся после вывода американских войск и возвращения к власти радикального движения «Талибан» (хотя стоит отметить ростки диалога между Россией и руководством «Талибана»). Еще большей угрозой стало присутствие, особенно на севере Афганистана, отрядов ИГИЛ (в 25 из 34 афганских провинций), что является инкубатором боевиков с их последующей инфильтрацией в государства «Расширенного Ближнего Востока» и Центральной Азии, источником пропаганды идеологии «джихадизма», производства и контрабанды наркотиков.

В качестве обобщения делается вывод о необходимости проявления странами ОДКБ и ШОС инициативы в вопросах формирования эффективного многостороннего режима для противодействия вызовам из Афганистана, но в то же время не опуская над ним «железный занавес».

В **четвертой главе** диссертации «Россия и «Расширенный Ближний Восток» в системе современных геополитических конфигураций» ставится задача выявления фокусных точек сопряжения России с интересами ближневосточных государств, основных целей, задач, принципов, механизмов и инструментов реализации внешнеполитической стратегии Российской Федерации на данном направлении в свете возникающих новых оснований и вызовов.

Для удобства выбран формат геополитических треугольников (концепт, который часто встречается в экспертной литературе). Конкретно

речь о треугольниках «Россия – Турция – Иран», «Россия – Китай – Ближний Восток», о месте Центральной Азии и Афганистана в треугольнике «Вашингтон – Пекин – Москва» (освещавшиеся в ранее изданной монографии автора⁴² треугольники «Россия – США – Китай», «Россия – США – Ближний Восток», «Россия – США – Иран» в этот раз остались за рамками диссертации ввиду объективной ограниченности ее объема).

Первый параграф «Основные характеристики и предназначение геополитического треугольника «Россия – Турция – Иран»» концентрируется на совместных действиях трех государств, которые в возрастающей степени влияют на течение и характер региональных политических процессов. Речь, прежде всего, идет о координации в борьбе с международным терроризмом и в экономической сфере. Так, общими усилиями удалось добиться коренного перелома в Сирии, запустить Астанинский мирный процесс и межсирийский диалог с участием властей и оппозиции, ликвидировать основные очаги сопротивления ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусры» и других террористических группировок.

На конкретных примерах иллюстрируются модальности использования участниками треугольника «мягкой силы».

Вместе с тем, между тремя странами остаются противоречия, о чем свидетельствует, например, проукраинская позиция Анкары в ходе российской спецоперации. Есть у российской стороны и вопросы к Ирану: неслучайно в 2010 году в СБ ООН нам пришлось поддержать ужесточение санкций против Ирана из-за его оговорок в контексте ядерной программы, а затем приостановить поставку иранцам ЗРК С-300. Разногласия между Ираном и Турцией касаются, например, поддержки Б. Асада в Сирии, хотя налицо и точки соприкосновения, как в курдском вопросе. В свою очередь, у России и Ирана вызывают беспокойство пантюркистские амбиции

⁴² Ханалиев Н.У. Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации. Эволюция баланса сил в борьбе за Большой Ближний Восток. М.: Университетская книга, 2020. – 520 с.

Анкары, проявившиеся в период Второй Карабахской войны в сентябре – ноябре 2020 года.

Среди драйверов, консолидирующих треугольник «Россия – Турция – Иран», выделяется политика Запада, США в особенности, а в качестве конкретного фактора – попытка военного переворота в Турции 2016 года. Аналитики, в частности, писали о том, что именно российские разведслужбы предупредили Р.Т. Эрдогана о планах по его отстранению от власти. В Тегеране в момент переворота также поспешили заявить о солидарности с турецким руководством.

Во втором параграфе «Основные характеристики и предназначение геополитического треугольника «Россия – Китай – Ближний Восток»» в качестве отправного тезиса отмечается во многом схожая политика Москвы и Пекина на «Расширенном Ближнем Востоке» с упором на развитие торгово-экономического, культурного сотрудничества со странами региона и оказание им политической и дипломатической поддержки для противостояния внешнему диктату. При этом констатируется растущая активность Китая в Кавказско-Каспийском регионе, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Однако остаются отличия и нюансы в подходах: если Россия допускает, как в случае с Сирией, оказание прямой военно-политической помощи дружественным государствам, Китай концентрирует усилия на экономическом треке и использовании «мягкой силы». Примером с 2013 года служит инициатива «Один пояс – один путь» (предусматривает прокладку сухопутного маршрута через Евразию и морского через регион Индийского океана), в структуре которой «Расширенному Ближнему Востоку» отводится одно из ключевых мест.

В работе приводится статистика торгово-экономического сотрудничества Китая с арабским миром. Отмечается подписание партнерских соглашений с Алжиром, Египтом, ОАЭ, Саудовской Аравией, растущий импорт газа из Катара, при том, что Китай превратился в

ведущего инвестора на Ближнем Востоке, обойдя США. Пекин также развивает контакты с неарабскими государствами: Израилем, Ираном и Турцией, в том числе в увязке с вышеупомянутой инициативой «Один пояс – один путь».

Разумеется, есть не только успехи, но и проблемы в отношениях с той же Турцией, которая стала первым мусульманским государством, осудившим Китай за его политику в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Китай в свою очередь настораживают лидерские амбиции Р.Т. Эрдогана.

В плоскости диалога Китая с Ираном анализируются экономическая и политическая составляющие. Отмечается, в частности, что в условиях антииранских санкций китайские компании получили карт-бланш на проникновение на иранский рынок и разработку местных энергетических ресурсов, следуя китайской стратегии «Идти вовне». В подтверждение приводятся конкретные цифры.

Делается итоговый вывод о наличии реальных оснований для признания геополитического треугольника «Россия – Китай – Ближний Восток», активность в рамках которого способствует ослаблению главного геополитического соперника в лице США и транзитному движению «Расширенного Ближнего Востока» в сторону постзападных очертаний.

В третьем параграфе «Центральная Азия в треугольнике «Вашингтон – Пекин – Москва» через призму приоритетов национальной безопасности России» разбираются черты отношений между этими тремя странами, отличные от двух ранее рассмотренных треугольников. Квинтэссенцией служит преобладание здесь не сотрудничества, как в двух первых случаях, а соперничества, ввиду противоположности и даже враждебности американских приоритетов интересам России и Китая, что заодно высвечивает определенную конкуренцию между Пекином и Москвой.

Для начала дается анализ общей нестабильности в Центральной Азии, вызванной обилием нерешенных внутренних проблем, расколом элит и всплесками национализма, спорами о границах, наличием национальных анклавов. И это в условиях, когда весь регион стал объектом пристального внимания государств (России, США, Китая, Турции, Ирана), а с другой стороны, негосударственных акторов в лице структур международного терроризма.

Далее со ссылкой на мнения отечественных экспертов (И.Д. Звягельскую⁴³, А.В. Фролова⁴⁴) обосновывается тезис о правомерности включения данного параграфа в диссертацию, исходя из наличия на «Расширенном Ближнем Востоке» и в Центральной Азии общих парадигм развития, сходных проблем и их принадлежности к исламскому миру. Приводятся в этой связи мнения представителей Запада (Х. Маккиндера⁴⁵, Зб. Бжезинского⁴⁶) об исключительно важной роли Центральной Азии («Серединой земли», сердца Евразии) в мировой истории.

Отмечается встраивание планов Вашингтона в Центральной Азии в общую внешнеполитическую стратегию по достижению гегемонии США в Евразии, что затрагивает, помимо центральноазиатских стран, Каспийского и Кавказского регионов, Российскую Федерацию, Афганистан, государства Среднего Востока, Южной Азии и Китая⁴⁷. В русле американского проекта «Нового Большого Ближнего Востока» изначально предполагалось превратить Центральную Азию в самостоятельный регион, отгороженный от влияния России и Китая, с ее объединением с Афганистаном, а затем с «Большим Ближним Востоком».

⁴³ Звягельская И.Д. «Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении». М.: Аспект Пресс, – 2018. Фролов А.В. Ближний Восток и Центральная Азия: анатомия конфликтности // Пути к миру и безопасности. 2019. № 2.

⁴⁴ Фролов А.В. Ближний Восток и Центральная Азия: анатомия конфликтности // Пути к миру и безопасности. 2019. № 2.

⁴⁵ Mackinder H.J. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. New York, 1919.

⁴⁶ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998.

⁴⁷ Лаумулин М. Стратегия и политика США в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2007 – № 4. – С. 51.

В порядке исторического экскурса отмечается, что рубежом, изменившим характер интереса Вашингтона к региону, стали теракты в США 11 сентября 2001 года, в результате которых объектом американской антитеррористической кампании стал Афганистан. В диссертации выдвигается обоснованная гипотеза о более веских причинах перехода Центральной Азии с периферии в мейнстрим политики США в русле следования их глобальной цели по усилению своих позиций в Евразии путем сдерживания России и Китая. Дается анализ американской идеи создания «Большой Центральной Азии» в качестве аналога «Большого Ближнего Востока»⁴⁸, содержания «Стратегии [США] в Центральной Азии» 2020 года⁴⁹, интенсивных военных и дипломатических контактов США со странами региона и проектов, альтернативных китайской инициативе «Один пояс – один путь».

При характеристике результатов реализации американских планов указывается на их многократные неудачи, обусловленные «возвращением» Российской Федерации на мировую арену, включая Центральную Азию; усилением экономической экспансии Китая; двойственной природой стратегии США (местные элиты усматривают в ней угрозу своей власти); провалами в Афганистане и Ираке. Хотя, несмотря на сказанное, делается оправданный вывод о том, что американцы не оставят в будущем попыток проникновения в данный регион.

Дается обзор динамики развития торговли, энергетического и инвестиционного сотрудничества, культурно-образовательных обменов Китая со всеми государствами Центральной Азии, что ведет к обретению Пекином все новых политических преимуществ. Это, однако, происходит на фоне усиления в странах региона (в частности, в Казахстане, Киргизии) антикитайских настроений среди элит и широких слоев населения и даже выступлений против китайской «колонизации».

⁴⁸ *Старр Ф.* Партнерство для Центральной Азии // Россия в глобальной политике, июль - август 2005, № 4. – С. 72—87.

⁴⁹ Цит. по: Что представляет собой новая стратегия США в Центральной Азии. 26 февраля 2020. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/politinform.su/117881>.

В числе содержащихся в параграфе комментариев относительно значимости центральноазиатского региона для Российской Федерации акцент делается на императиве переосмысления исторической привязки соответствующих стран к России ввиду обретения ими государственного суверенитета, но также в свете озабоченностей по поводу статуса русскоязычных меньшинств и русского языка. Указывается на единую, невзирая на неодинаковую ситуацию на местах, тенденцию к сужению российского культурного пространства и продолжению исхода этнических русских (ярким примером служит ориентация руководства Казахстана на замену кириллицы латиницей).

Анализируются и проблемы в отношениях России со странами Центральной Азии, порождаемые односторонними действиями Пекина в регионе без учета российских интересов. Так, не получив одобрения идеи создания зоны свободной торговли на пространстве ШОС, Китай начал договариваться с государствами Центральной Азии в обход России, что показано на конкретных примерах. Делается вывод, что определяющими в треугольнике «Вашингтон – Пекин – Москва» являются все-таки не российско-китайские противоречия, а общее противостояние России и Китая стремлению Запада переломить в свою пользу текущую транзитную ситуацию в миропорядке.

Наконец, в перечне задач в контексте обеспечения национальной безопасности России конкретизируются императивы развития антитеррористического сотрудничества с государствами Центральной Азии в двухстороннем формате и в рамках ОДКБ, ШОС и СНГ, создания коллективных форматов для борьбы с новейшими вызовами (например, COVID-19), упрочения экономического, научно-технического и культурного сотрудничества с использованием механизмов ЕАЭС. Тем самым удалось бы преодолеть издержки внешней политики России девяностых годов, когда заикленность на налаживании связей с Западом

оттеснила Центральную Азию на периферию российских национальных интересов.

В **заключении** диссертации излагаются следующие выводы.

1. Подтверждена гипотеза исследования относительно возможности существенного приращения научного знания посредством исследования процессов становления многополярного мира через региональные измерения, относительно значения концепта «Расширенного Ближнего Востока» в научных исследованиях, его особого места в глобальной политике.

2. Политические процессы в регионе по своей значимости давно перешли в общемировое измерение. В эпоху глобализации «Расширенный Ближний Восток» стал объектом пристального внимания ведущих мировых держав. Политические акторы на «Расширенном Ближнем Востоке» крайне разнообразны и характеризуются различными интересами, которые часто противоречат друг другу, что усиливает турбулентность политических процессов и ограничивает возможности для устойчивого развития региона. Отражающиеся здесь вызовы («гибридные войны», терроризм, экстремизм), помноженные на внутренние коллизии, делают «Расширенный Ближний Восток» одним из наиболее взрывоопасных регионов на планете.

3. Развитие «Расширенного Ближнего Востока» происходит в условиях транзита миропорядка, который перестает быть моноцентричным. Утверждающийся многополярный мир расширяет горизонты для противостояния диктату отдельных стран и объединений. Эта новая модель, предполагающая равноправие культур, верований и традиций, жизненных укладов и ценностей в сочетании с требованиями уважения национального суверенитета, многократно расширяет возможности диалога стран и народов, предоставляя «Расширенному Ближнему Востоку» реальный шанс уйти с периферии мировой политики.

4. Смена миропорядка происходит на фоне острой политической борьбы. Утверждение полицентричного мира вызывает неприятие со

стороны США и всего «коллективного Запада». Хотя Вашингтон стремится на словах перестроить свою политику, его стратегические цели остаются неизменными в плане сохранения доминирования в мире. Потерпев в ряде случаев фиаско с экспортом «демократической революции» (в Ираке, Афганистане), Вашингтон намерен продолжать линию на дискредитацию неудобных режимов при помощи методов «гибридной войны», политики двойных стандартов, тиражирования фейковой информации и нечистоплотной дипломатической игры.

5. Государства «Расширенного Ближнего Востока» заинтересованы в своем стабильном и независимом развитии, возможности для которого обусловлены изменением баланса сил в международной системе и формированием многополярного мира, но вместе с тем осложнены влиянием внутрорегиональных и внешних вызовов. Внутренними неурядицами охвачена практически каждая страна региона, однако есть узлы напряжения экономического, геостратегического, религиозного и национального характера, которые принимают общерегиональные измерения, более того, вызывая последствия глобального масштаба.

6. Конфликты в регионе «Расширенного Ближнего Востока» преимущественно носят гибридный характер. Конфликтные отношения политических субъектов в регионе зачастую характеризуются асимметричностью, которая проявляется в противостоянии государств, групп интересов, движений, террористических организаций. В региональных политических процессах фундаментальное значение имеет мусульманский фактор, проявляющий себя как на национально-государственном, так и на цивилизационном уровнях.

7. Одной из самых сложных проблем выступает столкновение модерна и архаики. Неудовлетворенность жизнью заставляет искать ответ в течениях «политического исламизма», в том числе в его крайних формах под флагом джихада. Это порождает опасные для национальной безопасности Российской Федерации вызовы в виде установок на

воссоздание «исламского халифата», утверждения на практике идей пантюркизма и т.п.

8. Складывающаяся на «Расширенном Ближнем Востоке» политическая обстановка обуславливает возникновение разного рода геополитических конфигураций, способных влиять на ситуацию в регионе и мире в целом. Значимой в этой связи выступает созидательная роль России, которая проявляется в установлении ею партнерств с государствами региона, взаимодействии с Китаем, участии в коллективном противостоянии гегемонизму США, ставящем вопрос о контурах постамериканского/постзападного мира.

9. Сложность обстановки на «Расширенном Ближнем Востоке» делает значимыми внешнеполитические задачи России, а, по большому счету, и ее роль в утверждении нового миропорядка. Основы видятся в недопущении появления новых разделительных линий, в демократизации международных экономических отношений, скоординированности действий для урегулирования конфликтов, в упрочении доверия в военной сфере, укреплении гуманитарного и правового компонентов безопасности, помощи странам, испытывающим трудности в своем развитии. Речь идет ни много ни мало о создании пространства широчайшего диалога цивилизаций.

Среди перспективных направлений дальнейшего исследования заявленной в настоящей диссертации научной проблемы названы:

- отслеживание переформатирования Соединенными Штатами своей внешней политики и позиции стран Евросоюза в отношении «Расширенного Ближнего Востока» и миропорядка в целом;

- учет в полной мере возможностей резкого обострения противоречий в любой точке региона в условиях высокой неопределенности политических процессов на «Расширенном Ближнем Востоке»;

- разработка концептуальных оснований внешней политики Российской Федерации в изменяющихся условиях.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные результаты, положения и выводы диссертации опубликованы в 38 научных работах автора общим объемом 73,1 п.л.:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по соответствующим специальностям и отраслям наук

Статьи в журналах, входящих в RSCI:

1. *Ханалиев Н.У.* Треугольник «Россия-Турция-Иран» в контексте стратегии США на Ближнем Востоке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». – 2019. – Т. 21. – № 1. – С. 66-77. (0,81 п.л.) ИФ РИНЦ 1,088.

2. *Ханалиев Н.У.* О перспективах распространения терроризма на постсоветском пространстве в условиях поражения ИГИЛ в Ираке и Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». – 2019. – Т. 21. – № 4. – С. 687-705. (1,3 п.л.) ИФ РИНЦ 1,088.

Статьи в журналах, включенных в дополнительный список изданий, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности:

3. *Ханалиев Н.У.* О дилеммах и перспективах независимости Иракского Курдистана // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 1. – С. 1-15. (0,91 п.л.) ИФ РИНЦ 1,042.

4. *Ханалиев Н.У.* «Белые каски» или белые маски? // Вестник Российской нации. – 2018. – № 6(64). – С. 87-96. (0,65 п.л.) ИФ РИНЦ 0,370.

5. *Ханалиев Н.У.* Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 2. – С. 86-99. (0,83 п.л.) ИФ РИНЦ 1,244.

6. *Ханалиев Н.У.* Проекция ближневосточной нестабильности на регион Персидского залива // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1(62). – С. 109-114. (0,63 п.л.) ИФ РИНЦ 0,246.

7. *Ханалиев Н.У.* Региональная безопасность сквозь призму исторических связей Центральной Азии и Ближнего Востока // Россия и современный мир. – 2020. – № 3(108). – С. 166-174. (0,53 п.л.) ИФ РИНЦ 1,290.

8. *Ханалиев Н.У.* Национальная безопасность России в контексте террористической угрозы региональной безопасности // Информационные войны. – 2020. – № 1(53). – С. 87-90. (0,51 п.л.) ИФ РИНЦ 0,216.

9. *Ханалиев Н.У.* Теории международных отношений в стратегии Вашингтона на Большом Ближнем Востоке // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т.10. – № 2(59). – С. 351-360. (0,58 п.л.) ИФ РИНЦ 0,539.

10. *Ханалиев Н.У.* Статус российско-турецких отношений через призму сирийского кризиса // Информационные войны. – 2020. – № 2(54). – С. 64-70. (1 п.л.) ИФ РИНЦ 0,216.

11. *Ханалиев Н.У.* Россия, Иран, Китай: вопросы совместимости интересов // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10. – № 4(56). – С. 1197-1205. (0,73 п.л.) ИФ РИНЦ 0,437.

12. *Ханалиев Н.У.* Динамика внутренней политики Саудовской Аравии в период бифуркации ближневосточного региона // Информационные войны. – 2020. – № 3(55). – С. 26-31. (0,76 п.л.) ИФ РИНЦ 0,216.

13. *Ханалиев Н.У.* Две стороны китайской экспансии в Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10. – № 9(66). – С. 2339-2348. (0,64 п.л.) ИФ РИНЦ 0,539.

14. *Ханалиев Н.У.* Особенности американо-иранских отношений на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. – 2020. – № 1. – С. 187-198. (0,84 п.л.) ИФ РИНЦ 1,244.

15. *Ханалиев Н.У.* Технологии воспрепятствования стремлению международных акторов к однополярности // Информационные войны. – 2021. – № 2(58). – С. 2-5. (0,74 п.л.) ИФ РИНЦ 0,216.

16. *Ханалиев Н.У.* Треугольник нестабильности «Ближний Восток – Центральная Азия – Россия» // Информационные войны. – 2021. – № 3(59). – С. 37-42. (0,76 п.л.) ИФ РИНЦ 0,216.

17. Ханалиев Н.У. Влияние трансформирующейся мир-системы, вызванное украинским кризисом, на позицию России в ближневосточном регионе // Информационные войны. – 2022. – № 2(62). – С. 24-28. (0,7 п.л.) ИФ РИНЦ 0,216.

Другие научные публикации

Монографии:

18. Ханалиев Н.У. Большой Ближний Восток. Вызовы и угрозы национальной безопасности России. – М.: Редакционно-издательский дом РосНОУ, 2018. – 248 с. (15,5 п.л.).

19. *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации. Эволюция баланса сил за Большой Ближний Восток. – М.: Университетская книга, 2020. – 519 с. (32,5 п.л.).

Статьи в журналах, входящих в Перечень ВАК при Минобрнауки России:

20. *Ханалиев Н.У.* К вопросу о геополитических приоритетах России на Южном Кавказе // Вопросы политологии. – 2016. – № 4(24). – С. 124-131. (0,43 п.л.) ИФ РИНЦ 0,790.

21. *Ханалиев Н.У.* О перспективах достижения единства Кавказа // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 4(35). – С. 25-32. (0,45 п.л.) ИФ РИНЦ 0,615.

22. *Ханалиев Н.У.* Сирийский узел в раскладе геополитических сил на Ближнем Востоке // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 1(36). – С. 150-158. (0,47 п.л.) ИФ РИНЦ 0,615.

23. *Ханалиев Н.У.* Курдский вопрос: исторический экскурс // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – 2017. – Т. 25. – № 4. – С. 150-154. (0,38 п.л.) ИФ РИНЦ 0,795.

24. *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности России на Большом Ближнем Востоке // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – 2017. – Т. 25. – № 9. – С. 143-152. (0,81 п.л.) ИФ РИНЦ 0,795.

25. *Ханалиев Н.У.* Триумф российской военно-политической дипломатии на Большом Ближнем Востоке // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – 2017. – Т. 25. – № 12. – С. 166-171. (0,41 п.л.) ИФ РИНЦ 0,795.

26. *Ханалиев Н.У.* Россия как альтернативный США актор на Ближнем Востоке // Вопросы политологии. – 2018. – Т.8. – № 3(31). – С. 92-103. (0,67 п.л.) ИФ РИНЦ 0,409.

27. *Ханалиев Н.У.* Роль ИГИЛ в контексте шиитско-суннитского противостояния на Ближнем Востоке // PolitBook. – 2019. – № 1. – С. 154-168. (0,9 п.л.) ИФ РИНЦ 0,763.

28. *Ханалиев Н.У.* О перспективах политического единства монархий Персидского залива // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – 2019. – Т. 27. – № 6. – С. 309-317. (0,64 п.л.) ИФ РИНЦ 0,828.

29. *Ханалиев Н.У.* О некоторых особенностях политики США в Центральной Азии // Вопросы политологии. – 2019. – Т. 9. – № 10(50). – С. 2185-2194. / (0,81 п.л.) ИФ РИНЦ 0,437. Переводная версия: *Khanaliev N.U.* On Some Features of the US Policy in Central Asia // Political science issues. – 2019. – Vol. 9. – № 4(34). – С. 429-436. (0,56 п.л.) ИФ РИНЦ 0,292.

30. *Ханалиев Н.У.* К вопросу о перспективах «пост-американского Большого Ближнего Востока» // Вопросы политологии. – 2019. – Т. 9. – № 12. – С. 2776-2785. (0,55 п.л.) ИФ РИНЦ 0,437.

31. *Ханалиев Н.У.* Проблемы в приграничных отношениях Таджикистана, Киргизии и Узбекистана: вызовы и угрозы национальной безопасности России // Вестник Российской нации. – 2020. – № 2. – С. 54-64. (0,78 п.л.) ИФ РИНЦ 0,473.

32. *Ханалиев Н.У.* Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центрально-Азиатский регион // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2020. – Т. 7. – № 3. – С. 205-225. (1,57 п.л.) ИФ РИНЦ 0,359.

33. *Ханалиев Н.У.* Влияние меняющегося вектора энергетической политики стран Центральной Азии на безопасность и стабильность в регионе // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – 2021. – Т. 29. – № 2. – С. 289-294. (0,5 п.л.) ИФ РИНЦ 0,828.

34. *Ханалиев Н.У., Шпаковская М.А.* Угроза метастазирования афганского кризиса на Таджикистан // Альманах «Казачество». – 2021. – № 54(4). – С. 74-87. (1 п.л. / авторский вклад – 0,5 п.л.) ИФ РИНЦ – отсутствует.

35. *Ханалиев Н.У.* Факторы для пересмотра статуса государств постсоветского пространства в качестве стратегических партнеров России // Теории и проблемы политических исследований. – 2022. – Т. 11. – № 1А. – С. 183-194. (0,95 п.л.) ИФ РИНЦ 0,119.

***Статьи в сборниках материалов конференций
и материалы круглых столов:***

36. *Ханалиев Н.У.* Внешние факторы этноконфессиональной конфликтности на Северном Кавказе и пути их нейтрализации / Выступления участников круглого стола «Мониторинг и разрешение этноконфессиональной напряженности и конфликтов» // Вестник

Российской нации (*также журнал Перечня ВАК*). – 2018. – № 4(62). – С. 261. (0,2 п.л.) ИФ РИНЦ 0,370.

37. *Ханалиев Н.У.* Имидж России на Ближнем Востоке в контексте конфликта интересов великих держав / Имидж России в условиях новых вызовов XXI века: материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, 27 ноября 2017 г. / колл. авторов; под ред. И.А. Василенко. – М.: КноРус, 2020. – С. 21-23 (0,3 п.л.)

38. *Ханалиев Н.У.* Использование западными СМИ технологий информационной войны против роста геополитического влияния России / Имидж России в условиях новых вызовов XXI века: материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова 4 декабря 2018 г. / колл. авторов; под ред. И.А. Василенко. – М.: Русайнс, 2021. – С. 25-30 (0,3 п.л.).